

АННА ДАНИЛОВА

Садовник

Я СОЗДАЛ ВАС, МОИ ДЕВОЧКИ, И
ПОЛЮБИЛ...

Анна Данилова

**Садовник. Я создал вас,
мои девочки, и полюбил...**

«Издательские решения»

Данилова А.

Садовник. Я создал вас, мои девочки, и полюбил... /

А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834217-2

Я — Садовник, я вырастил в саду своего романа семью, не предполагая, что все они обретут плоть и кровь, запыхаются чувствами в реальной жизни, заставляя мое сердце биться, страдать, любить... И никто не знает, вернутся ли они когда-нибудь в мой сад.

ISBN 978-5-44-834217-2

© Данилова А.
© Издательские решения

Садовник

Я создал вас, мои девочки, и полюбил...

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

© Анастасия Гребенникова, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-4217-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТАРИКАН С ЛЕЙКОЙ. – Слушай, я уже где-то встречала этого старика, – сказала Веруся, возвратившись с террасы, где она развешивала на веревке белье. Катя, разбиравшая в это время свою полочку с книгами и разными безделушками, отложила в сторону бутоньерку, которая вынутая из фарфоровой вазочки казалась теперь каким-то уродцем из шелка и проволоки, и кивнула головой. Она и сама не могла понять, откуда она знает их нового соседа, поселившегося несколько дней назад прямо напротив них.

– Пенсионер какой-нибудь, которого родные детки выпихнули их собственного дома, обмен, понимаешь? Иначе откуда бы он взялся?

– Вчера он возил землю на тележке, сажал что-то, видишь, рассада.

– А что, неплохо придумано. Не знаю, чего мы теряемся, да на таком балконе, как наш, – как вы с мамой называете, террасе – можно выращивать не только цветы или дикий виноград, но и, скажем, огурцы, всякие такие, знаешь? Или помидору в ящиках. По-моему, отличная мысль...

– Вот пусть мама этим и занимается, – ответила равнодушно Веруся, неожиданно потерявшая всякий интерес к разговору. Но потом, вспомнив что-то, сказала:

– Кать, и все же я его откуда-то знаю, только вот откуда – не помню...

– Да, лицо знакомое... Слушай, Вер, хочешь, я подарю тебе этот букетик, вот только протру?..

Веруся, страшно обрадованная, тут же приложила бутоньерку к груди.

– Спасибо, Кать, ты – настоящий друг.

– Да брось, просто она мне надоела. Надо бы бессмертник поискать, или гортензии, или... лунарий... – И Катя о чем-то задумалась.

ПРАЗДНИК НАПРОТИВ. Я видел из окна, как Глеб перебегает улицу, прячется от всех и вся в телефонной прозрачной кабинке и торопливо набирает номер; он совсем обезумел, этот Глеб, но торжество, готовящееся сегодня в его доме, в его семье, не позволит ему этим вечером навестить красивую Сашу и маленькую Машу, и поэтому он звонит и, поцеловав их обеих через графитовый порошок трубки, растворяется в птичьем гомоне весенней улицы: он идет покупать мороженное. Возвращаясь из магазина он уже нисколько не сомневается, что по влажному и теплему от солнечных лучей асфальту, размахивая сумкой с мороженым и вишневым сиропом, идет не один человек, а два, теперь уже два; он обращает внимание на свою тень и лишний раз убеждается, что это действительно так, а не плод его распаленного воображения; человек, ведущий двойную жизнь, не может оставаться таким, каким он был до раздвоенности, и он безмерно рад этому, ведь если спокойно поразмышлять над всем этим, то поневоле вспомнишь, что человеку дана всего лишь одна жизнь, а у него, у Глеба, их целых две, причем две жизни полноценные, насыщенные, и он счастлив.

Семейные праздники все как один похожи: приглашаются одни и те же люди, накрывается огромный круглый стол в гостиной, готовятся примерно одни и те же блюда, так же тревожно и озабочено смотрит из-под накрученной на бигуди челки уставшая и измотанная хлопотами Клара, так же недовольна и капризна Наталия, примеряющая в своей комнате новое платье, так же не в меру обжорлива и болтлива Веруся, так же жестко накрахмален белый фартук Кати и так же упруги и блестящи ее каштановые локоны. Я слышу запах горячего бисквита и начинаю жалеть, что еще не знаком со своими соседями.

НАТА. «Что они все, на самом деле, с ума-то посходили? Какой праздник? У кого? И зачем такая пышность, зачем тратить столько денег? Потом целую неделю будем вспоминать, что же было на этом столе, а сами перейдем на гольную картошку... Бред какой-то...» Наталия вновь перенеслась мысленно в актовый зал художественного училища, увидела плывущие перед глазами раскрасневшегося от духоты лица присутствующих, услышала трескучий голос человека, от которого зависела ее дипломная работа; он, кажется, сказал примерно такую фразу: «Мне, Наталия, будет весьма приятно находиться в таком театре, как ваш, надеюсь, что вы сможете применить свои способности и в нашем городе?» К чему он это сказал? Где же, как не у себя дома, будет она жить и работать. Но вот что плохо, чувствуя себя в училище, как дома, и зная, что ее здесь знают и понимают, что здесь ей никто не будет мешать в осуществлении даже самых дерзких замыслов и фантазий, как будет она себя чувствовать вне этих стен, куда ей пойти работать? Кому она, наконец, нужна? Художник-оформитель, дизайнер – кому это все нужно? Она видела, в каких условиях работают бывшие выпускники училища, и ей становилось тошно при мысли, что и ее ожидает работа в скучных пыльных мастерских фабрик и заводов, где придется делать упор на шрифты, плакаты и праздничные стенгазеты; разве об этом она мечтала, работая ночами в упоении над эскизами театра, изощренной лепниной?.. Сколько раз, отмывая кисти, она, со слипающимися веками, прежде, чем коснуться головой подушки, вдруг представляла себя в огромном, совершенно пустом зале с белыми голыми стенами и белыми полами; это будет ее первый белый лист, на котором она посеет семена своих фантазий, и через сочетания цвета, формы и материала выразит всю свою сущность.

И так бы все оно и было, если бы не Снегирев. На это имя в доме наложено табу. Они очень добры, и родители, и сестры, что что ей до этого? Ведь Снегирев уехал, уехал, даже не попрощавшись, растворился где-то в снегах и морозах Сибири и даже не звонит ей. Теперь свой белый зал она будет драпировать черно-оранжевым бархатом, на хрустальную люстру в форме гигантского водопада она натянет серый мутный газ, а в холодную желтую керамику поставит равнодушные ноябрьские хризантемы; вот так.

Наталия подошла к зеркалу и начертила помадой на его поверхности искаженный профиль Снегирева, его круглые – она на миг зажмурила глаза: в металлической оправе – очки, нос с горбинкой и приподнятую верхнюю губу; потом поцеловала его в эту губу, стерла рисунок, испачкав ладонь в розовом, и принялась надевать чулки.

К ТРЕМ ЧАСАМ стол уже был накрыт, солнце плескалось в хрустальной посуде, играло золотыми бликами на темном лаке мебели и прозрачным стеклам дверей, струилось сквозь белое кружево занавесей.

Клара стояла в дверях и подсчитывала количество разложенных на скатерти приборов. Все было готово и она немного успокоилась: у нее оставалось еще несколько минут, чтобы привести себя в порядок.

В маленькой спальне, где помещалась только широкая кровать – которая никогда не убиралась, – шкаф и трельяж, она заперлась, избавилась от бигуди, сняла халат, тряхнула куд-

рями и вдруг застыла перед своим отражением: неужели это я? В тонком белье, непричесанная, немного встревоженная ожиданием праздника, она выглядела на удивление хорошо. Она улыбнулась своему телу, которое еще ни разу не предало ее, и которое так любил Глеб. Она была уверена, что даже тридцать родов не испортили бы его. И тут она услышала, как хлопнула дверь: пришел Глеб. Сейчас он непременно разыщет в этой большой, наполненной суетой и ароматами, квартире Клару, улыбаясь расскажет, как покупал мороженное, как долго ему пришлось выбирать в магазине фруктовый сироп для коктейлей... Он почему-то постоянно словно извиняется, чувство вины, очевидно, у него в крови. Но за что ему извиняться? За то, что он воспитал троих дочерей, что он прекрасный отец и муж?

Клара замерла, услышав его торопливые шаги прямо у двери их спальни; вот он вошел, сразу же запер дверь – это уже вошло у него в привычку, – и, отыскав в оранжевом от штор полумраке раздетую, затаившуюся в углу за дверцей шкафа, Клару, подошел к ней, прикрыл дверцу и схватил за руку. Его губы нашли ее губы, пахнувшие ванильным кремом.

– Сейчас начнут приходить гости, – прошептала она, чувствуя, что ей сейчас никто, кроме Глеба, не нужен. Им всегда хорошо вдвоем. – А я еще не готова.

Он отпустил ее, замотал головой, словно приходя в чувства. Затем снял с себя свитер и достал из шкафа костюм.

– Застегни, пожалуйста, – позвала его Клара и повернулась к нему спиной.

ТАМАРА ПРИШЛА первой. Высокая, худая, но стройная и элегантная, она долгие годы раздражала Глеба уже тем, что работала паталогоанатомом. Глядя ей в глаза, он всегда боялся увидеть в них отражение того, чем она занимается в морге. Особенное ему был неприятен запах духов «Черная магия», которые так любит Тамара и которые у него ассоциируются с запахами трупов. Это старая и болезненная тема. Тамара без конца иронизирует по этому поводу, хохочет над его гримасами, потому что все равно уверена в том, что в этом доме она всегда желанный гость. Что ее здесь ждут и всегда рады. Особенно девочки. Тамара – одинокая сорокалетняя женщина. По сравнению с хрупкой светловолосой Кларой она, сильная смуглая, с блестящими темными волосами, уложенными таким образом, что скрывают половину узкого скуластого лица, являла собой поразительный контраст. Она носила дорогие стильные вещи, обожала черный цвет, балахоны и драгоценности, не гнушаясь, однако, и полудрагоценными камнями и серебром. Семья Мазановых стала почти ее семьей. Невозможно было себе уже представить жизнь Глеба и Клары без присутствия Тамары. Она могла заглянуть к ним ранним утром, перед работой, чтобы занести, скажем, свежий творог или «булочки с корицей для Веруси»; но в основном приходила вечером, помогала Кларе по дому, играла в карты с Глебом после ужина, прекрасно понимая, что в какой-то мере она их и утомляет, но что они вынуждены терпеть ее по многим причинам, главной из которых являлись деньги. Она совершенно спокойно могла им одалживать большие суммы, всем своим видом показывая, что ей это даже приятно. Долг, как правило, возвращался в течение нескольких месяцев. Тамара была удобным человеком во всех отношениях. Она была умна, понимала все с полуслова, знала жизнь и ничего не боялась. С ней можно было говорить о чем угодно. Она чувствовала себя естественно в любых жизненных ситуациях и, казалось, знала выход из всех сложных положений. Однако далеко не со всеми она могла поддерживать дружеские отношения, считая это пустой тратой времени. «Надо по жизни окружить себя достаточно узким кругом преданных тебе людей, этого вполне достаточно, – говорила она, подразумевая, конечно Клару с Глебом, – чтобы на старости лет не чувствовать себя одинокой».

Мужчины в жизни Тамары занимали не последнее место, но, как правило, это были временные, хотя и не случайные, связи. И даже не связи. И не увлечения. Скорее эксперименты, опыты. Схему семейных отношений семьи Мазановых ей из всех сил хотелось перевести

на отношения в зарождающемся романе с каким-нибудь мужчиной. Но все было тщетно. Ни один из мужчин не был похожим на Глеба. По ее представлениям никто из них не имел даже права называться мужчиной. Тамара любила Глеба. Она и дня не могла прожить, не увидев его. Ей иногда было достаточно просто увидеть его из окна своей машины в тот момент, когда он, к примеру, выходил из здания университета, где преподавал. Высокий, худощавый с коротко стриженными почти седыми волосами, пронзительными серыми глазами и крупным ртом, он действовал на Тамару возбуждающе. Как много бы она дала, чтобы оказаться на месте Клары! Чтобы испытать на себе его объятия, чтобы прикоснуться губами к его коже, его телу, потрогать кончиками пальцев его лицо, мучительно любимое ею. Но Глеб, ни о чем не подозревая, воспринимал Тамару не больше, чем неодушевленный предмет. Так, во всяком случае, думала сама Тамара. Понятное дело, на фоне женственной, нежной Клары с тонкой, почти прозрачной кожей, раскосыми желтыми глазами и копной рыжевато-красных выющихся волос, Тамара не могла претендовать на какое-либо внимание со стороны любого мужчины, находящегося в тот момент поблизости. Клара привлекала к себе мужчин несознательно. Их не пугали ни то обстоятельство, что она мама трех взрослых девиц, ни то, что она глубоко семейный человек и любит своего мужа. Мужчины ухаживали за ней везде, где бы она ни находилась, на улице ли, в транспорте, на работе. В клинике, где работала Клара, среди пациентов всегда находился мужчина, который влюблялся в нее. Частенько за Klarой увязывался какой-нибудь юноша или мужчина, и лишь увидев встречающего ее по дороге домой Глеба и понимая, что это, наверно, муж, он поворачивал в другую сторону. За Тамарой же, кроме дворняги по кличке Джек никто и никогда не увязывался. Разве что ее коллега по работе, Виктор Наполов, представлявший собой, по сути, точную копию Тамары: одинокий, влюбленный безнадежно в свою свояченицу, мужчина.

Пришла Тамара, и все притихли. Замерла в ожидании поздравлений Наталия – виновница торжества. Она закончила художественное училище. Приняв в руки огромный букет белоснежных роз, она поцеловала Тамару и, покраснев, скрылась в своей комнате. Появилась Клара. В окружении Кати и Веруси она смотрелась почти их ровесницей. В светлом костюме, с красиво уложенными волосами, она, зная, что выглядит прекрасно, почувствовала почему-то даже нечто похожее на стыд – настолько побледнела увидевшая ее Тамара. «Как же она живет? – подумала Клара, уводя за собой на кухню подругу и признаваясь себе в том, что не хотела бы оказаться на ее месте. – Неужели она так искренне любит всех нас, что не замечает своего одиночества? С кем она разговаривает перед сном? Испытывала ли она когда-нибудь то ощущение покоя, которое дает присутствие рядом близкого тебе мужчины?»

– Тебе помочь? – Тамара привычно уселась между кухонным столом и окном и забарабанила пальцами по плетеной хлебнице.

– Нет, все как-будто готово. Даже хлеб я нарезала заранее. Тамара, у тебя все в порядке? – Клара не случайно задала этот вопрос, поскольку от нее не укрылся странный блеск в глазах Тамары и несколько неестественная улыбка, какая бывает у людей, пытающихся сохранить внешнее спокойствие. С Тамарой явно что-то происходило.

– А что, заметно что-нибудь? – Тамара подняла на Klarу глаза и пожала плечами. – Потом расскажу. Теперь не до этого. Главное, что Наташа закончила училище, что отмучилась, наконец, от своего диплома, а то, посмотри, на кого она стала похожа. Похудела она, сдала...

– Если бы это от диплома, – Клара вздохнула, – я бы этого Снегирева... Не знаю, чтобы я с ним сделала... Но с другой стороны, ее тоже можно понять. Она любила его.

– Мужчин иногда сложно понять. Пусть он самоутверждается в своей Сибири на здоровье, но написать-то можно, позвонить, что-то сообщить хотя бы через мать.

Уже столько было всего переговорено по поводу внезапного отъезда Снегирева, что продолжать эту тему уже не имело, как-будто, смысла. Все равно пока ничего не изменить. Наталия так же будет страдать, плакать по ночам, звонить матери Снегирева.

На кухню стремительно вошел Глеб. Женщины сразу же замолчали.

– Алик пришел.

Алик Банк являлся женихом Кати, средней дочери Клары и Глеба. Младшей, Верусе, было восемнадцать, старшей, Наталии, двадцать два, а Кате – ровно двадцать.

От своих сумасбродных сестер Катя отличалась абсолютно всем. Она, как считали все, кто ее знал, была рассудительной, трезво мыслящей девушкой, которая знала, что ей надо от жизни. Зарабатывая себе на жизнь медсестрой и одновременно готовясь поступать в медицинский университет, Катя в семье играла роль первой помощницы Клары. Только на Катю и можно было положиться во всех вопросах, связанных с ведением домашнего хозяйства, особенно уборки. У Кати была неизлечимая болезнь – чистота. Она постоянно что-то мыла, чистила, скребла, выбивала, промывала, выметала. Остановить ее в этом рвении не мог никто. Возможно, таким образом она пыталась в каком-то бессознательном порыве навести порядок во всем, что ее окружало. Она считала, что это – единственное, что под силу простому смертному, поскольку упорядочить человеческие отношения еще не удалось никому. Да и вряд ли удастся.

В семье к этим приступам чистомании относились по-разному. Наталия, если возникал разговор на эту тему, меланхолично крутила пальцем у виска и что-то рассеянно рисовала на обоях. Веруся, нашкодив по своему обыкновению, пыталась забиться куда-нибудь подальше, честно краснея за содеянное. Родители жалели Катю, однако Клара нередко испытывала чувство неловкости за свое вынужденное безделье: ей дома практически не оставалось работы.

За несколько минут до прихода Банка, Катя остановилась в нерешительности перед дверью Наташиной комнаты и постучала. Сжимая в ладони коробочку дорогих духов, деньги на которые ей приходилось копить в течение двух месяцев, она представляла себе лицо сестры в тот момент, когда та увидит подарок, и от радости волнуется. Не дождавшись ответа, она сама открыла дверь и вошла в комнату. Здесь царил самый настоящий хаос. Если для Кати красота заключалась в чистоте, то Наталия радовала себя цветом, формой и материалом. Обои в комнате были расписаны ею со всей необузданной фантазией. Сочетания розового с желтым и зеленым, по ее мнению, поднимало настроение. Огромные, грубой работы, керамические горшки с настоящими тропическими растениями, яркие большие напольные подушки, лиловый муслин, покрывающий щедрыми складками постель и кресла, канареечного цвета книжные полки с альбомами по живописи и дизайну, красивые, причудливой формы, камни, разложенные где попало и великое множество разбросанных по всей комнате набросков – все это раскрывало внутренний мир Наташи и не терпело вмешательства. Здесь не убирался никто. Особенно это запрещалось Кате. «Дай тебе волю, Катька, ты выбросишь из окна не только горшки и подушки, но и меня вместе с ними».

Веруся же частенько «паслась» у Наташи, подолгу рассматривая ту или иную вещицу, с упоением помогая сестре превращать нормальное человеческое жилище в «сумасшедший дом». Она единственная в доме во всем поддерживала Нату. Когда же уехал Снегирев, первая объявила голодовку и почти три дня ходила по квартире с трагическим выражением на лице. Ей казалось, что если она будет искренне страдать вместе с Наташей, то тем самым облегчит ее жизнь.

...Катя застала Нату в тот момент, когда та в одном белье пыталась дотянуться до верхней полки, чтобы достать коробку с туфлями. Тоненькая, изящная, в белых кружевах, она сильно походила на мать, даже волосы, светлые с золотистым отливом, были такие же как у Клары.

Коробка упала, раскрылась, из нее выпали кремовые туфли.

– Катя? Что ты здесь делаешь? – Ната только сейчас заметила стоящую посреди комнаты сестру. – Что, кто-нибудь еще пришел?

– Нет. Я принесла тебе подарок. – И Катя протянула ей духи.

– «Мадам Роша»? Катька! – и она обняла и крепко прижала к себе сестру. – Ты сошла с ума! Это же так дорого!

– Мне хотелось, чтобы у тебя все было хорошо, – проговорила в страшном смущении Катя, и они обе поняли, что означают эти слова: забудь Снегирева и начни новую жизнь.

– Я постараюсь. – Ната вскрыла коробочку, сняла золоченную крышечку с флакона и щедро подушила Катю за ушами, капнула ей на грудь.

– Смотри, не испачкай, – не выдержав сказала Катя, принимаясь одергивать и без того безукоризненно сидящее на ней облегающее платье. Волосы ее, тяжелые, каштанового отлива, тугими симметричными локонами обрамляли чистое, идеальной формы лицо с ясными зелеными глазами, маленьким аккуратным носом и собранными в сочный розовый бутон губами.

Уже в дверях, бросив последний взгляд на одевающуюся Нату, Катя вдруг подумала, что будет, если такую вот расхристанную, сексуальную, красивую Нату вдруг когда-нибудь случайно увидит Банк. Что он почувствует как мужчина? Возникнет ли у него желание обладать ею? Катя вспомнила, как вчера вечером, когда они были одни в Катиной комнате, Алик пытался раздеть ее, как шептал ей на ухо такие слова, после которых хотелось умыться ледяной водой, чтобы придти в себя. Он почти изнасиловал Катю одними словами, довел ее до состояния опьянения. Когда он ушел, она даже пошевелиться не могла, настолько ослабла. Поэтому, когда она вышла в коридор и услышала знакомый условный звонок, ее сразу же бросило в жар.

Глеб открыл дверь, вошел Алик в костюме и при букете, поцеловал Катю в щеку и вдруг, спокойно пройдя мимо нее, без стука, без разрешения открыл дверь в Натину комнату. Катя чуть не задохнулась: картинка, так явственно представляемая ею каких-нибудь пару минут назад, обрела реальность – он увидел Нату! Но нет, слава Богу, Ната была уже одета и встретила его прямо на пороге. Приняла цветы и через плечо Алика заговорщически подмигнула онемевшей Кате.

Произошло какое-то движение, из кухни показалась Клара с Тамарой и Глебом, все устремились в гостиную, где давно уже был накрыт стол. Веруся, которую застали с поличным – она жевала ломтик колбасы, похищенной ею почти в присутствии вошедших, – увидев Алика Банка, вихлявой походкой подошла к нему и сунула ему в руку свою маленькую узкую ладошку. Она постоянно играла какую-нибудь роль. Вот и теперь ей казалось, вернее, ей захотелось побыть немного девушкой, к которой пришел такой роскошный, красивый парень.

– Салют, – по-свойски ущипнул ее за бедро Алик (так, чтобы никто не заметил) и шепнул ей на ухо: – у меня для тебя подарочек.

– Смотри не уколись, – успела ответить ему Веруся, намекая на свою худобу и острые, как она выражалась «тазовые кости».

Пришли чуть позже родители Банка, Сара и Ефим, коллеги Глеба по университету. А когда уже все были за столом, явилась одноклассница Веруси, Людмила или, как ее все называли Люся. Ровесница Веруси – разумеется, она выглядела значительно старше нее. Наиболее точное определение Люсе дала объективная прямая в суждениях Тамара. «Аппетитная самка, причем, нахальная». Люся действительно достаточно откровенно оголялась, но поскольку обладала красивым телом, то держалась раскованно, словно зная цену собственной здоровой плоти. И это не было вызовом рано сформировавшегося подростка, это было осознанное желание понравиться мужчинам. Тамара же, впрочем, первая и предположила, что Люся, в отличие от своей подружки Веруси, ведет вполне взрослую, наполненную сексом, жизнь. Но как ни пытались родители Веруси помешать ее дружбе с Люсей, у них ничего не получилось. Чрезмерно любопытной Верусе был необходим источник интересующей ее информации, чрезмерно развитой Люсе же был необходим для самоутверждения вот такой несмышлениш. Хотя истинной причины такой вот патологической привязанности совершенно разных девочек не знал никто. Кроме Люси.

На этот раз на Люсе было надето нечто невообразимое из прозрачного шифона и дешевой бижутерии. Обилие косметики и шапка неподвижных, смазанных гелем, кудрей лишний раз подчеркивали несоответствие внешнего вида и возраста.

– Дядя Глеб, я сегодня пью только красное вино, – заявила она, расправляя складки не столько на СВОИХ коленях, сколько на ЕГО – платье было широким, и Люся имела возможность коснуться наиболее чувствительных мест Глеба. – Говорят, это очень полезно для сердца и сосудов.

Тамара, от которой не ускользнуло ни единое движение, имеющее хоть какое-либо отношение к своей пассивности, вздрогнула, как если бы Люся коснулась ЕЕ чувствительных мест. Она ревновала Глеба даже к физике, не говоря уже о молоденьких развращенных девушках.

В гостиной установился прочный запах табака, запеченой индейки – подарок Тамары, – апельсинов и духов. За столом шла незатейливая беседа о сиамских близнецах, взятках, рекламе, импотенции, как вдруг весь этот студенистый, густой от человеческого дыхания воздух пронзил внезапный и, как показалось всем присутствующим, вспоминавшим впоследствии это мгновение, особенно резкий телефонный звонок. Наталия выпрямилась на своем стуле как струнка, и вилка в ее руке звякнула о край тарелки: она почувствовала его. Вскочила и, опрокидывая на своем ходу или даже лету какие-то попадающиеся ей под руку или под ноги предметы, ворвалась в прихожую и чуть не снесла в едином порыве телефон. Схватила трубку и прижала изо всех сил к уху.

– Да. Это я, – дышала она тяжело в трубку. – Спасибо. Все удачно. – Она почувствовала, как горло ее словно одеревенело, стало уже. – Спасибо, что позвонил. Хорошо, передам. Я тоже.

И все. Снегирев из далекого далека поздравил Нату с окончанием училища и поцеловал ее с помощью многокилометровых телефонных проводов. Но она не ощутила его поцелуев. Ей нужен был он сам, живой и теплый, с крепкими, пахнущими масляными красками, руками и горячими губами, которые еще совсем недавно целовали ее губы, руки, шею, волосы, ноги, живот...

– Он не должен был этого делать, – невероятным по своей обыденности тоном проговорила она и вдруг бросилась, как если бы ей не хватало воздуха, на балкон.

Я видел, как она выбежала на балкон или, как ее там, к черту, террасу, как схватилась за перила, словно удерживая самое себя, и застонала, громко, в голос. Она кричала, и под окнами собрались люди. Затем ее увели. Все происходило так, как было задумано мною. Веруся расплакалась. Праздник был испорчен одним звонком. Клара, ничего не соображая, в сердцах выдернула телефонный шнур. Озабоченный Глеб не нашел ничего лучшего, как включить музыку. В Катиной комнате зажегся свет, и я увидел Алика. Мне даже показалось, что он посмотрел в мою сторону. Хотя, какое ему дело до старика, курящего в полном одиночестве на террасе противоположного крыла дома. «Привет, – сказал с другого конца Земли Снегирев, – поздравляю». – вспомнил я страницу своей рукописи, где описывал эту сцену, и вздохнул: «Имел ли я право на них?»

СКАЛЬПЕЛЬ, завернутый в хрустящую бумагу, завораживал одним своим видом. Настоящий, хирургический, острый скальпель! Банк сказал, чтобы она развернула подарок в комнате. Он все понимает, этот Банк. Разве можно объяснить родителям и сестрам, зачем он ей? Они не поймут. Веруся еще чувствовала на своей талии прикосновение его рук и ей было приятно. Очень приятно.

Она обернулась и, заметив, как прижимается Люся к отцу во время танца, усмехнулась: отец и она? Глупости.

Она едва успела спрятать скальпель в письменный стол, как почувствовала спазмы внутри. Она снова переела торта. И вот так всегда. Сначала один кусок, потом еще. Торт вкусный, клубничный, со взбитыми сливками и свежими ягодами. Желудок, понятное дело, уже не принимал, а глазами она продолжала его пожирать. «Катя, Веруся опять переела, ее выворачивает наизнанку... Все сосуды на веках полопались, принеси ей пудру...»

Намыливая густо мылом лицо, Веруся представляла, что она беременная. Она уже так много об этом прочитала, так много видела беременных женщин, собак и кошек, так тщательно изучала по книгам симптомы этой самой волшебной беременности, что вот сейчас, когда ее жестоко вырвало над унитазом, она словно бы пострадала за всех женщины, собак и кошек разом.

...Умывшись, она подняла голову и встретила взглядом с внимательно разглядывающей ее Катей.

– Опять? – спросила она.

– Опять, – Веруся тряхнула длинными, цвета апельсиновой кожуры, волосами и дурачась, закатила глаза к потолку. В свои восемнадцать она воспринимала двадцатилетнюю Катю как взрослую и в ее присутствии всегда ощущала себя маленькой девочкой. «Ты все летаешь», – любила повторять Катя. Да так оно и было на самом деле. Гибкая, сообразительная, все схватывающая на лету, Веруся, все еще не опустилась на землю. Она летала. Летала как во сне, так и наяву. Летала от счастья, когда видела кого-нибудь или что-нибудь хорошее. У нее был единственный грех, за который ей всегда попадало от старших – ЛЮБОПЫТСТВО. Ей было любопытно абсолютно все. Она хотела пропустить через себя весь мир и прочувствовать все. Ей было любопытно представить себя цветком. Она даже усаживалась на корточки и раскидывала при этом руки наподобие лепестков. Но это было классе в пятом-шестом. Позже, когда в школе начали изучать анатомию, ей стало интересно, действительно ли она устроена так, как показано в учебнике. Поэтому она одна из первых в классе осмелилась на поход с биологическим факультативом старшеклассников в анатомический музей. Они долго блуждали по гулким залам, заставленным шкафами с банками, в которых плавали заспиртованные младенцы, уродцы и человеческие органы. Когда же в один из залов вкатили тележку и, сорвав с нее оранжевую больничную клеенку, открыли нагромождение человеческих ног, напоминавших своим видом отварное мясо – кожа с них была содрана, это были пособия для изучения мышц ног, – одну девочку стошнило. «Это, друзья мои, – запомнила Веруся отрывок из меланхолического монолога экскурсовода-доктора, – мышца-грация...»

– Если ты будешь так много есть, то растолстеешь и никогда не выйдешь замуж, – улыбнулась Катя. – Кроме того, крем очень жирный, а это вредно для желудка.

– Вы целовались с Банком? – Веруся приблизила свое лицо к сестре и хитро сощурила глаза. – А больше вы с ним ничего не делали?

Катя, протянув ей пудреницу, молча вышла. Проходя вдоль коридора в свою комнату, где ее ждал Алик, она тоже обратила внимание на танцующую пару – отца и Люсю. Он что-то говорил ей, а она, запрокинув голову, едва не касалась губами его лица.

– Он испортил весь праздник. Уехал и уехал, зачем душу беречь?

Клара на кухне мыла посуду, Тамара, слушая ее, курила.

– А ты не знаешь, куда она ушла? – спросила она.

– Бродить по улицам, куда же еще?

– Скажи, а она все так же продолжает рисовать на стенах?

– Если бы только на стенах. На чем угодно, где только есть место. Вчера вот, например, свои колени разрисовала, какие-то птицы розовые... Но я не считаю, что это ненормально. Она – художница. У нее свой склад ума, свое представление о красоте. К тому же она прекрасно

рисует. Мне бы, конечно, хотелось чтобы ее взяли в театр. Но вот как Я себе представляю, чисто по-дилетантски, это достаточно грубая работа. Эскизы к декорациям – это понятно, это по ней, а вот что касается самих декорация, то тут, я думаю, требуются просто маляры.

– Полностью согласна с тобой. – Тамара загасила сигарету и осторожно повернула голову в сторону коридора, откуда хорошо просматривалась часть гостиной с танцующими Глебом и Люсей.

ОТ ШАМΠΑНСКОГО КРУЖИЛАСЬ ГОЛОВА. Сначала Люся пила только красное вино, но потом все же попросила Глеба налить шампанского. Глядя на пузырьки газа в фужере, которые густо облепили кусочки шоколада, лежащие на дне, она думала о Глебе. У нее еще никогда не было мужчины старше тридцати. Поэтому сейчас, сидя возле него, она пыталась представить себе, каково это заниматься любовью с таким мужчиной. Да к тому же отцом лучшей подруги. Что он будет ей говорить, как вести, двигаться? И, главное, сколько по времени, э т о продлится. Она закрыла глаза и пользуясь тем, что ее никто не видит, осторожно, не меняя положения, просунула правую руку под большую вышитую салфетку, прикрывавшую колени и живот Глеба. Не поворачивая головы, она нашла то, что искала и слегка надавила рукой. Реакция последовала незамедлительно. Она даже почувствовала, как Глеб задышал чаще. Люся же, сдунув со взмокшего лба прилипшие к нему волосы, приоткрыла рот и слегка изогнула спину. В гостиной кроме них сидели Банки, они мирно смотрели телевизор, время от времени перебрасываясь замечаниями. Клары с Тamarой не было. Веруся тоже исчезла в неизвестном направлении. Наталия так вообще ушла, хлопнув дверью. А Алик с Катей наверняка заперлись в комнате.

– Может, потанцуем? – Глеб резко поднялся со стула и взял Люсю за кончики пальцев.

Люся покачивалась в такт музыке и пыталась понять, что же происходит. Последует ли что-нибудь после этого танца, намекнет ли этот скромный на вид, интеллигентный физик на что-нибудь? Захочет ли он встретиться с Люсей в другой обстановке? К примеру, в гостиной или у нее дома?

– Ты не могла бы сейчас, Люсенька, выйти из квартиры, подняться на этаж – там лифтовая шахта – и подождать меня там? – в волнении спросил Глеб, облизывая пересохшие губы. – А я мигом. Ведь ты же сама этого хочешь? Или я ошибаюсь?

Люся шарахнулась от него, стремительно пересекла прихожую, зашла зачем-то на кухню, попросила простой воды, а потом, чувствуя, что пьянеет с каждой минутой, открыла дверь и вышла в темный душный подъезд. Держась крепко, чтобы не упасть, за перила, поднялась вверх и притихла, ожидая, когда следом откроется дверь, чтобы выпустить Глеба. Ей сейчас не нужен был ни Разоренов, ни Игорь, никто. Она хотела только этого поджарого, смуглого и седого мужчину. Она в ожидании сняла с себя трусики и повесила их на перила.

АЛИК ВЫШЕЛ ОТ КАТИ взбешенный. Он оставил ее в комнате в состоянии, близком к обморочному, сказав на прощанье: «Я так больше не могу». Он действительно больше не мог находиться рядом с ней и не обладать ее телом. Хотя он приходил в этот дом не к ней, не к Кате, а к ее старшей сестре Нате, но об этом никто не знал. Даже она. Банк понимал, что Снегирев перевернул ее жизнь и обрек на одиночество. Банк ненавидел за это Снегирева и поклялся убить. Если не физически, то как-нибудь иначе. Он был уверен, что должен отомстить за Натины страдания. Жаль только, что никто в городе не знает, где он сейчас. Сибирь, она большая.

Банки дружили с Мазановыми уже много лет, часто ходили друг к другу в гости, устраивали пикники за городом, а когда родители Алика купили дачу, стали ездить, начиная с весны, на выходные туда. Вот там, на даче, Алик и обратил впервые внимание на девочек. Веруся

тогда была еще совсем ребенком. Катя начинала формироваться и удивляла размерами своей груди. Что касается Наталии, то она впервые предстала перед ним уже вполне развитой молодой женщиной. Она была много тоньше Кати, выше ее на пол-головы, но привлекала внимание своей природной гибкостью, грациозностью и какой-то независимостью во всем и естественностью движений. Приехав впервые на дачу к Банкам вместе со всей своей семьей, Наташа как-то очень быстро освоилась и, не обращая внимания на сестер, пошла одна гулять по саду. Набрав горсть клубники, она села в тени на плетеное кресло и, думая, что ее никто не видит, оголила ноги, расслабилась и закрыла глаза. Вот в такой уязвимой позе и застал ее тогда Алик.

– Твои сестрички лепят вареники, ты не хочешь к ним присоединиться? – спросил он, подойдя к ней неслышно и надеясь смутить ее своим неожиданным появлением. Но она лишь прикрыла тяжелые веки ладонью и взяла в рот еще одну ягоду.

– Я не люблю возиться на кухне, тем более в гостях. Лучше я откажусь от вареников. Мне здесь нравится. Тихо, пахнет цветами, а от солнца тепло ногам...

– А если я тебя сейчас поцелую?

– Пожалуйста. Только, боюсь, это не понравится Кате. Но этот поцелуй ничего не будет означать. У меня есть парень, и мы с ним скоро поженимся. Все понял?

Банк все понял. На следующий день они с Катей пошли в кино. Показывали «Соседку» с Фанни Ардан. Во время демонстрации сцены, где они с Депардье занимаются любовью, Алик положил руку между ног Кати. И она не пошевелилась. Они весь тот день ходили по городу, просмотрели три фильма, и во всех кинотеатрах занимались одним и тем же. Ночью Алик долго не мог уснуть. А утром зашел к своей соседке, Тане, с которой у него не было ничего общего, кроме кровати, и почти изнасиловал ее прямо в коридоре, возле столика с телефоном. Красная из-за того, что ей пришлось довольно долго находиться с низко опущенной головой, Таня сказала ему, что любит его и что будет ждать Алика «сегодня же в девять вечера».

– Все мои уйдут, – пояснила она, закрывая за ним дверь.

Заглянув в гостиную, где смотрели телевизор его родители, Алик решил пройтись по улице, чтобы потом вернуться и уже вместе с ними, как положено (главное, чтобы никто ничего не заподозрил) пойти домой. Ему не хотелось прежде времени афишировать свой разрыв с Катей.

Выйдя в подъезд, он услышал что-то, похожее на возглас, доносящийся откуда-то сверху. Он поднял голову, но увидел лишь светлое пятно на перилах. Он с легкостью сбежал вниз и уже оказавшись во дворе, темном и зеленом от акации и ивовых зарослей, направился в еще более темный проулок, где находились телефонные кабины. Он собирался позвонить Тане. Ему показалось, что в первой кабинке кто-то есть. Тогда он обошел ее и открыл дверцу во вторую. Но что-то заставило его повернуться. Сквозь мутное двойное стекло, разделявшее две кабины, он увидел бледное, обращенное к нему, лицо.

– Что ты здесь делаешь? – от открыл дверцу и увидел Нату.

Она стояла, скрестив руки на груди. Глаза ее, не мигая, смотрели мимо него, куда-то в пространство. Тонкие белые руки ее приподняли платье до пояса, открывая Алику райский пейзаж.

– Что-то не так? – хриплым голосом спросила Ната и резко одернула платье. – Не хочешь здесь, пойдем на детскую площадку.

Она схватила его за руку и повела за собой, в глубину двора, где под кустами дикой смородины дети днем строили шалаш. Ната легла на ложе из терпко пахнувших веток, раздвинула ноги и поймав рукой галстук склонившегося над ней Алика, притянула его к себе.

– Ну же... Пока я не передумала...

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТАТИВ положил начало опытам. Теперь уже Верусе хотелось все постигнуть в разрезе, причем в самом прямом смысле этого слова. Она бесстрашно разрезала лягушек, рыб, головастиков. Дома же сама разделяла кур и уток, рассматривая их внутренности. Все, казалось бы, было понятным. Строение организмов, в конечном счете, было сходным у многих животных и птиц. И только одного не могла она понять: отчего бьется сердце? Она держала на ладони жесткий, упругий комочек плоти, липкий от крови, и искала источник энергии. Когда она спрашивала у Клары, почему бьется сердце, то слышала в ответ что-то такое неопределенное, что даже стыдно становилось за ее невежество. С другой стороны, ответа ведь не знал никто. Даже очень умный отец. «Наверно, это биение передается еще в утробе матери».

Веруся еще раз взглянула на подарок Алика и, спрятав скальпель уже до завтра в стол, вышла из комнаты и отправилась на поиски Наты. Не найдя ее в этом полусонном, послепраздничном хаосе, она заглянула к Кате и застала сестру в слезах.

– А где же Алик? – спросила, ничего не подозревая Веруся, и, не получив ответа, пошла на кухню. Там тетя Тамара с грустными глазами ела консервированные персики. Мама вытирала хрустальные фужеры. Обе, увидев Верусю, как по команде замолчали.

– Куда это все подевались? Где моя Люся? А Ната? Алик, папа?

– Прячутся от духоты, – отмахнулась тетя Тамара и предложила Верусе персик.

Глеб поднялся к Люсе. Она, дрожа от нетерпения, обвила его шею руками и прижалась своим ртом к его губам.

– Я только хотел тебя спросить, – Глеб старался говорить бесстрастно и едва сдерживался, чтобы не вlepить этой молодой потаскухе пощечину, – какую роль в твоей жизни играет Вера.

– Она моя подруга, а что? – ничего не понимая ответила Люся и немного отстранилась от Глеба, чтобы увидеть выражение его лица.

– А то, что если я тебя еще хоть раз увижу в своем доме, то все расскажу твоим родителям. Согласен, мужчина устроен примитивно, но это не дает тебе права так вести себя. И еще: кроме секса между мужчиной и женщиной существуют отношения другого рода. Ты не можешь этого не знать. Но все же, желательно, когда ты ложишься под какого-нибудь мужчину, испытывать к нему хотя бы элементарную симпатию, я не говорю уже о более высоких и сильных чувствах.

Люся схватила его обеими руками за ворот и, приблизив его таким образом к своему лицу, проговорила, не помня себя от досады и злости:

– И это ВЫ мне говорите? Вы, который бегаёт в соседний дом к медсестре, чтобы сделать с ней то же самое, что собирались сделать со мной? Вы, который... Вы врете своей красивой жене, что у вас нет денег, потому что вы относите их в другую семью... Сколько у вас дочерей? Три? Или все-таки четыре? Зачем вы мне все это сейчас сказали? Хотите показать, что вы лучше меня, что такой чистенький? Или что я недостойна вас? Врете! Вы просто мучаетесь от своей же собственной слабости, вы хотите меня, как животное, но боитесь себе в этом признаться... Ну что вам стоило побыть со мной здесь каких-нибудь двадцать минут? – шептала она, задыхаясь от желания. – И вам было бы хорошо, и мне. Откуда в вас, интеллигентах, столько дерьма?

Глеб от неожиданности обмяк и присел на ступеньку. А ему-то казалось, что он осторожен. Ему стало не по себе. Он уже пожалел обо всем.

– Ты права. Я такое же животное, как и все мужчины. Даже если так, то пойми, мне не хотелось бы, чтобы

Вера набралась от тебя... сама знаешь, чего... Она еще девочка, я как отец, боюсь за нее, неужели непонятно? Не навязывай ей свой образ жизни, я тебя прошу.

– Я ей и не навязываю. Но она тоже живой человек, и мне непонятно, зачем вообще этот культ девственности. И чего это с ней все носятся как с писаной торбой! В жизни столько наслаждений, а вы, взрослые, страшные эгоисты. Вам, значит, все можно, а нам нельзя?

– Ты рассуждаешь как ребенок. Однако, я должен перед тобой извиниться?

– Боитесь?

– Боюсь.

Глеб еще не знал, как он будет жить дальше. Разговор с Люсей принимал неожиданный оборот: он попал от нее в зависимость.

– Не бойтесь. Я никому ничего не расскажу. Даже Вере. Мне это ни к чему. Но встречаться с ней нам запретить никто не сможет. Это просто невозможно.

– Ты, я вижу, неглупая девочка. Значит, на тебя можно положиться?

– Да. Если вы поцелуете меня.

– Но это все. Хорошо?

– Хорошо. – Люся одела трусики и подставила Глебу губы для поцелуя.

«Она права, – думал Глеб, раздвигая своим языком ее губы и плавая в каком-то горячем тумане – тысячу раз права. И черт меня дернул читать это моралитэ. Я осел. Старый осел».

Но уже на улице, пробираясь между кустами, короткой дорогой к Сашину дому, он пришел в себя. "Идиот».

КЛАРА И ГЛЕБ легли поздно. Часам к одиннадцати только стали возвращаться гости. Сначала вернулся Банк, извинился, что заставил всех беспокоиться. Затем откуда-то появилась забытая всеми Люся. Заняв свое место за столом, она принялась доедать холодную индейку, затем попросила у Клары чаю с тортом. Услышав про чай, вышла из своей комнаты заплаканная Катя. На вопрос Клары, что произошло, она ответила, что у нее сильно разболелась голова. Алик нарочно сел подле нее и сидел весь остаток вечера, ухаживая за нею. Наталия пришла почти одновременно с Глебом, но, не показываясь гостям, заперлась в ванной. Наполнив ванну горячей водой, она забралась туда, вытянулась и закрыла глаза. Шок, вызванный звонком Снегирева, прошел. Голова работала на редкость ясно, тело было легким. На розовом кафеле пола лежало смятое, в зеленых пятнах платье, с которого еще сыпался желтый песок.

– Пойми, Снегирев, – сказала она, обращаясь к висевшей напротив смешной голубой мочалке в форме зайца, – только таким образом я могла освободиться от тебя. Я отдалась ему и нисколько не жалею об этом. Жаль, что ты не видел всего этого. Представь, детский шалаш, а в нем двое взрослых людей занимаются Бог знает чем. У Алика прекрасное тело. Наверно, теперь я буду отдаваться ему каждый день. А может и по несколько раз в день. Жизнь продолжается. Так-то вот.»

Она появилась в гостиной розовая от горячей воды, в черных брюках и черной же, мужского фасона, рубашке. Влажные волосы завязаны на затылке узлом.

Банк, бросив на нее взгляд, почувствовал томление. Он уже знал, что встретится с ней завтра возле кинотеатра «Иллюзион» в десять часов утра и они отправятся искать квартиру.

Глеб, несколько обескураженный такими переменами в своей жизни, как присутствие постоянного чувства страха перед разоблачением, бросал осторожные взгляды на Люсю и думал о том, что же будет дальше. Ему в голову вдруг пришла совершенно дикая мысль о том, что взорвись сейчас Сашин дом, ему бы жилось намного легче. Представив себе эту кошмарную картину, он неожиданно для присутствующих застонал. Все посмотрели в его сторону.

Уже сквозь сон, Глеб, прижавшись в привычном движении к телу жены, услышал:

– Тебе не показалось, что сегодня вечером все были какие-то странные. Кроме старших Банков. Словно их всех, как диких животных, которых долгое время держали на привязи, неожиданно отпустили на свободу? Почему-то бросились, не сговариваясь, гулять на улицу...

– Так ведь душно было.

Клара повернулась к нему и, приподнявшись на локте, внимательно посмотрела в глаза мужа. Набрала в легкие воздуха, чтобы сказать что-то важное – и он это почувствовал, – но не сказала...

Выдохнула и легла, покорно положив ему голову на плечо.

ОН ЗАМЕТИЛ МЕНЯ возле моего подъезда, узнал и подошел.

– Послушайте, а ведь это вы.

– Я.

– Что-то раньше я вас здесь не видел.

И тому подобное. Он узнал во мне того самого человека, который помог ему на дороге отремонтировать машину. Обычное дело.

Я пригласил его к себе сыграть партию в шахматы. Он охотно принял мое предложение.

– У вас вчера было шумно, праздник какой? – спросил я, делая вид, что не имею ко всему этому никакого отношения.

– Да. Старшая дочь, Наташа, закончила художественное училище.

– Поздравляю. Хотите коньяку?

– Хочу.

Приблизительно так мы и должны были познакомиться.

– Глеб.

– Очень приятно, Денис.

Глеб был первым, кто сел в исповедальное кресло. Но он еще не знал в лицо своего Садовника.

СОН ВЕРУСИ. РОЗОВЫЕ И ГОЛУБЫЕ ОСЛЫ. Это было на следующий день после праздника. Люся полулежала в комнате подруги и откровенно скучала.

– Хочешь, я расскажу тебе свой сон? – спросила Вера, усаживаясь на колени перед Люсей.

– Валяй.

– Ну, слушай. Мне сегодня снились розовые, голубые и черные ослы. Вроде мы все на Черном море, там полно туристов, а ослы, представь, все иностранные и страсть какие дорогие. Вот я весь сон и приценивалась.

– Ну и что, купила?

– Нет. Не купила. Уж очень дорогие.

– Вот если бы ты вышла замуж за Алика Банка, он бы тебе целое стадо таких цветных ослов купил.

– Завидуешь Катьке?

– Вот еще. Мужик он, конечно, красивый, но ведь он же ее не любит.

– Как это?

– А вот так. Ты мне лучше скажи, неужели он настолько богат, что держит свои деньги за границей?

– Да. Банки все богатые. Целая семья адвокатов, но только не простых. У них клиентура. Я вообще-то мало что в этом понимаю, но слышала, что кроме адвокатских гонораров они еще занимаются ссудами. Кажется, родной брат дяди Ефима выдает ссуды.

– Хорошая информация. Но то дядя, а сам Алик-то чем занимается?

– Мне Катя не велела говорить, но тебе я так и быть, скажу. Ну, то, что он адвокат, это ты знаешь. Короче, агазин «Кох-и-Нор» знаешь? Электроника, словом. Это все его. Но Катка не из-за денег за него замуж выходит. Она любит его.

– Я бы тоже за такие деньги кого хочешь полюбила, – задумчиво проговорила Люся. – А с чего ты взяла, что она прямо-таки замуж выходит?

– Мама говорила.

Люся посмотрела на Веру и решила не рассказывать ей о том, что видела сегодня в городе Банка с Наталией. Они как раз выходили из ювелирного магазина. И Люся еще тогда отметила про себя, что, пожалуй, впервые за последние месяцы Наталия улыбалась.

– Раз мама говорила, значит так оно и будет.

ИНТРИЖКА С ЛАБОРАНТКОЙ закончилась рождением маленькой девочки Маши – четвертой дочери Глеба. Сначала было просто любопытство, затем – как верно выразилась Люся, – животное чувство, дальше – страсть помноженная на риск, что придавало особую остроту отношениям и, наконец, великая ответственность, когда Глеб узнал, что Саша ожидает ребенка. В результате появилась семья, которую приходилось содержать.

Саша была существом в высшей степени изысканным. Она следовала своей моде и была оригинальная во всем. Ее любимый цвет – белый. Один знакомый психиатр как-то сказал Глебу за рюмкой водки, что если на женщине все, начиная с нижнего белья и кончая пальто, одного цвета, значит она – шизофреничка. Сашу назвать больной было невозможно. Яркая, цветущая, здоровая и очень энергичная женщина.

Если до рождения Маши она требовала от Глеба внимания и любви, то после родов она сильно изменилась. Ей были нужны только деньги. Видя это, Глеб начал испытывать тягостное чувство, встречаясь с ней. Но самым мучительным в этой ситуации было то, что он не имел возможности ни с кем поговорить об этом. Не с Люсей же ему делиться. Хотя ему иногда казалось, что Расскажи он все Кларе, она бы наверняка дала дельный совет. Поэтому встреча с Денисом, то есть со мной, так запала ему в душу. Начиная с этого момента, все будет путаться. Я не знаю, что мне делать.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПРИГЛАШЕНИЕ. – Скажите, Денис, у вас никогда не было такой мысли, что вас обманули и, причем, самым жесточайшим образом?

Он пришел неожиданно, и, ни слова не говоря, сел в прихожей на полочку для обуви, причем, с таким видом, словно бывал здесь неоднократно, а полочка так и вообще его любимое место для таких вот задушевных бесед. А ведь это был его всего лишь второй приход ко мне: вот что значит естественный ход вещей, равно как и результат моей дивной проницательности.

Я как раз вернулся из сада и едва успел счистить влажные комья земли с моих сандалий. Если бы Глеб не был так взволнован, он непременно заметил бы, что довольно-таки заметные грязные следы от моих сандалий вели именно в кладовую и обратно (я возвращался, чтобы забрать чашку). Дело в том, что именно дверь моей кладовой в городской квартире соединяется с рабочим кабинетом на даче.

– Что вы имеете в виду? – спросил я как можно беспечнее, промокая еще мокрое от дождя (в саду разразилась настоящая гроза, которая еще не добралась до города) лицо большим носовым платком.

– Да взять хотя бы сам факт моего рождения!

Мне показалось, что это не от меня, а от моего озадаченного философскими проблемами гостя пахнет дождем, мокрыми яблонями; и что если осмотреть подошву его башмаков, то именно на ней, а не на МОЕЙ подошве окажется раздавленный розовый дождевой червяк. Мне стало не по себе.

– Я пытаюсь остановиться, – между тем продолжал он, – и не могу. Я хочу себе представить, что же случится с миром, со всеми моими близкими, если я хоть на миг остановлюсь, замру, замолчу... И что же? Я не могу себе этого даже представить!

Я пригласил его в комнату и предложил чаю, бубня при этом себе под нос что-то о повышенном чувстве ответственности. Но Глеб взял меня под локоть и яростно замотал головой:

– Нет, ничего у вас не получится, уверяю вас.. Я вовсе не в претензии на близких да и на мир тоже. Больше того, я счастлив больше, чем кто-либо, но... – голос его потерял силу, – мне очень стыдно признаться в этом... я очень устал.

– А вы попробуйте расслабиться.

Возьмите в руки чашку. Это придаст вам ощущение реальности, которого вам так не хватает. Она очень горячая.

– Кто, реальность?

– Чашка, – мягко ответил я, понимая, что ему не просто приходится целый день читать лекции в университете, а потом разрываться на две семьи. – Чувствуете чашку? Остановитесь, представьте, что ваша жизнь замерла и сконцентрировалась на этой тихой минуте. Забудьте, что окна напротив – ваши окна.

– Нет, не могу, – Глеб быстрыми нервными глотками выпил огненный чай и поднялся с кресла. – Вот и вы не поняли меня, – сказал он разочарованным тоном.

И тогда у меня возникло немыслимое желание пригласить его в свой сад. Я еще тогда не знал, что такое теперь со мной будет происходить часто. Я, конечно, предвидел это, вот только не знал, с чего начать наши прогулки и кто будет первым. «Во всяком случае, это, к сожалению, не Глеб. А жаль». Я понимал, что он вконец во всем запутался.

– Мне надо идти.

И он ушел.

РАНА оказалась неопасной. Катя записала в своем дневнике: «Ночью привезли женщину, истекающую кровью. Ножевое ранение. Ее пырнули ножом. Кто бы это мог быть? Муж? Любовник?»

Хирург Валентин Георгиевич наложил швы и попросил Катю следить за состоянием больной. Катя сидела в темной палате и смотрела на вздымающуюся грудь женщины. Ее звали Татьяна.

Утром она пришла в себя. Увидев Катю, заплакала.

– Вам нельзя волноваться, – прошептала Катя, чувствуя, как у нее начинает ломить бок: она представила себе, что это ЕЕ чуть не зарезали. Что тяжелее: боль физическая, или душевная? Банк исчез. Он бросил ее. Упорядоченная, наполненная смыслом и ясностью жизнь превратилась в сплошной кошмар, состоящий из бессоницы, страха одиночества и своей бесполезности. А причина самая что ни на есть тривиальная: Алик захотел овладеть ее телом, как полгода назад овладел «Кох-и-Нором». Она понимала, что проводит безумные параллели. Вовсе не боязнь стать его собственностью сдерживала ее, не позволяя ему взять ее. Она боялась самого физического процесса лишения девственности. Боялась боли и стыда. Но так и не могла сказать ему об этом.

Ближе к обеду к Тане пришел человек и начал задавать вопросы. Но она так и не смогла ему ответить, кто пытался ее зарезать. «Я ничего не видела. Было темно. Я почувствовала острую боль и все, больше ничего не помню».

Поздно вечером, после ужина, когда все, кроме Наталии, которая еще не возвратилась от подруги, расположились в гостиной у телевизора, Катя зашла к старшей сестре в комнату и отлила немного ее духов «Мадам Роша» в пустой флакон. «Снегирев уехал, Банк ушел». Ей хотелось поговорить с сестрой, спросить, что же ей теперь делать и где взять сил, чтобы жить дальше, но Наташи не было. Была лишь ее комната, неповторимая, как и она сама.

Катя на цыпочках вышла из комнаты и пошла к себе.

ЖЕЛАНИЕ ПОБЫТЬ ОДНОЙ загнало Нату на вокзал, откуда она позвонила домой и предупредила, что уезжает на пару дней «к приятельнице». На самом же деле она поехала на электричке в Жасминку – маленький поселок за городом, где в прошлом году делала этюды и жила у женщины по имени Елена. Никакая она ей не приятельница, просто женщина, сдающая за деньги комнату в большом деревянном доме.

Она сразу узнала Нату,пустила ее в дом и, предупредив «Чтоб не рисовала на стенах и дверях», отвела в чистую светлую комнату.

Была ночь, шел дождь, Ната лежала на узкой кровати в чистой постели. Рядом на столе стоял стакан с молоком. Молоко казалось голубым. Окна блестели со стороны улицы от света фонаря, по стеклам текла вода. «Я так никогда не напишу. Чтоб свет, и прозрачное стекло, и дождь, и голубое молоко, и река с ивами за палисадником.»

Она встала и в одной рубашке вышла во двор. Большой черный пес хрипло залаял, но увидев Нату, смолк и залез, звеня цепью, в будку. Босая, Ната перешла улицу, спустилась по скользкому холму к реке и вымокшая до нитки остановилась на берегу. Река, серо-черная, глянцевая, кипела под струями дождя. Ната скинула с себя рубашку и вошла в воду. Теплая. Как то голубое молоко, что давала ей перед сном Елена. И поплыла. Это была свобода. Тело, словно застоявшееся от однообразия городской искусственной жизни, обрело гибкость и силу. Никогда еще Наталия не чувствовала себя такой сильной. Сильной и свободной.

Она вышла, отжала волосы, рубашку и обнаженная, ощущая себя частью природы, возвратилась в дом. В комнате растерлась до жара сухим жестким полотенцем и очень быстро уснула. А рано утром, приняв решение, вернулась первой электричкой в город. Позвонила Банку, который всю ночь ждал ее звонка и выкурил две пачки сигарет, и сказала ему коротко: «Да».

МНЕ ПОЗВОЛЕНО МНОГОЕ. Существует дверь, чудесная деревянная дверь кладовки, которая переносит меня в одно мгновение из городской квартиры в мой рабочий кабинет с пишущей машинкой на даче. Это удивительное место. От возможностей у меня кружится голова.

Я слышу звонок. Это Глеб. Он пришел мне рассказать о Саше. Что ж, постараюсь не быть занудой, и, быть может, помогу ему своим молчанием. Ведь если к вам приходит человек со своими проблемами, это еще не значит, что ему нужен ваш совет. Ему скорее всего нужно ваше безмолвное понимание, широко раскрытые, полные участия и сочувствия, глаза.

– У меня есть женщина, – сказал он уже в комнате, когда мы с ним расположились в креслах, а в крошечных хрустальных рюмках сверкнуло золото коньяка. – Я почему-то поверил вам с первой минуты и мне кажется, что вы способны понять меня. Понимаете, я даже не знаю, как

это случилось. Она работала у меня на кафедре лаборанткой. Красивая высокая девушка. У нее длинные светлые волосы, голубые глаза, точнее даже, синие... ярко-синие. Кожа белоснежная, полные розовые губы и аккуратный нежный нос. Мы с ней занимались любовью в лаборантской, на столе. У нее восхитительные колени, и кожа на них гладкая, упругая с каким-то сливочным блеском...

– Вы любите женщин, – сказал я и тут же осекся – слишком уж уверенно прозвучала моя фраза. Хотя оно и понятно, кто как ни я знаю Глеба лучше и дольше всех.

– Да, люблю, – мягко согласился Глеб и улыбнулся своим мыслям. – И не могу похвастать, что это продиктовано чисто эстетическими чувствами, хотя они, разумеется, играют важную роль. Сейчас я скажу вам нечто совершенно удивительное, но это так. Это правда. Я похотлив. Для меня страсть мало чем отличается от похоти. В словарях пишут, что похоть – это грубое животное чувство, то есть половое влечение... грубое... А страсть? Разве страсть не является высшим проявлением полового влечения? Согласен, грубость в момент близости непозволительная. Но это теоретически. В жизни же – у меня, во всяком случае, – грубость позволяет испытать более острые ощущения, причем как мне, так и женщине... Я вас шокирую?

– Нисколько. Я понимаю, элемент насилия и грубости распаляет... – Я старался не подавать виду, что его откровенность застала меня врасплох. И подумал еще тогда, как же он будет себя вести в саду, куда я собираюсь его пригласить; неужели существует такая тема, на которую он не сможет говорить здесь, в этих стенах, а раскроется лишь ТАМ?

– Я кажется чересчур разоткровенничался, – словно прочтя мои мысли, одернул самое себя мой гость и даже выпрямился в кресле.

– Я ведь собирался рассказать вам лишь о том, что уже больше года веду двойную жизнь. Конечно, это не редкость для мужчины. Но, понимаете... Наши отношения, носившие прежде исключительно сексуальный характер, резко поменяли полюса! Саша не подпускает меня к себе, при этом делая такое недоуменное выражение лица, что мне становится не по себе... словно она стыдится этого. Она даже теперь не переодевается при мне. словно между нами не было никакой близости, а маленькая Машенька появилась от непорочного зачатия. Я справлялся, не больна ли она. Нет. Спросил, не появился ли у нее в жизни другой мужчина. Нет же! Я совершенно сбит с толку. Прихожу к ней, только и слышу: мне необходимо триста тысяч, двести, пятьсот...

– И вы даете ей деньги?

– Конечно. Клара не знает, что по вечерам я иногда подрабатываю частными уроками английского. Представьте, Денис, ЭТИМ я зарабатываю почти столько же, сколько лекциями. Вот как все в мире перевернулось. Хорошо, что я знаю иностранный... Но я отвлекся...

Я закрыл глаза и вспомнил страницу машинописного текста с описанием вот этой нашей встречи. Только там я был в образе случайного попутчика, разговор происходил в электричке. Наступила минута, когда Глеб должен был признаться этому попутчику о своем желании избавиться от Саши. Неужели он и мне расскажет об этом? Я весь покрылся испариной. Ну нельзя же быть до такой степени открытым.

– ... мне эти встречи не приносят радости как прежде... – только и сказал Глеб, состо-
рожничал, но сколько грусти и разочарования прозвучало в этих словах.

И еще я подумал – не без ревности, – что попутчику он доверял больше.

КЛАРА села на постели.

Еще с детства научившись распознавать где сон, а где реальность, она прекрасно отдавала себе отчет в том, что то, что происходит сейчас с ее домом – сон, конечно же сон. Но тогда

откуда же эти натуральные слезы и рыдания? Она смахнула слезы. Ей только что снился обугленный дом, ИХ дом, полуистлевшие столы и стулья, диваны с торчащими в разные стороны пружинами, обгоревшая, с запекшейся кровью на боку, собака, белый кот с подпалинами, сожженными усами и лопнувшими глазами; ей снилась несуществующая в ее памяти, а рожденная беспокойной ночью узкая лестница, уходящая в небо, и стая красных птиц, кружащихся над дымящимися обломками; и был Глеб, молодой; он уходил от нее, унося на руках двух девочек, это были не их дочери, хотя лица были очень знакомыми; он шел, спотыкаясь, а девочки, обхватив его за шею мертвой хваткой, кричали и плакали, смешиваясь голосами со всем этим кошмаром, адом... Где-то совсем рядом рожала немолодая уже женщина, она стонала, скорчившись под грязным коричневым одеялом, а люди, призраками проходившие мимо – и даже сквозь нее, не обращали на роженицу никакого внимания.

И даже она, Клара, не могла почему-то подойти и помочь несчастной, потому как не чувствовала, не видела себя в этой картине, в этом ужасе.

...Она посмотрела на спящего мужа, на его губы, чуть прикрытые, словно замершие вот так во время поцелуя или разговора, и подумала, вот бы узнать у него, почему он нес на руках этих девочек. Кто они? Но она не сделает этого. Никогда. Да и незачем тревожить его. Уже шесть часов. Надо успеть первой принять душ, успеть воспользоваться феном, сварить какао – Веруся с вечера просила, – приготовить кашу, бутерброды, зашить чулки, разбудить Катю и не забыть бы не будить Нату, а еще спросить, кто это сунул в кувшин с желтыми искусственными хризантемами вымазанную в крови тряпку. Может, Глеб порезался и впопыхах, чтобы не испугать домашних, сунул ее туда?

Она повернула голову и, забыв обо всем, залюбовалась играющими в серебристых волосах Глеба солнечными зайцами. Вот тут-то он ее и поймал, схватил и, заломив руки, подмял под себя...

ТАНЯ. «Через два дня к Тане снова пришел этот же человек. И снова задавал ей вопросы. И чего пристал, разве непонятно, что она ничего не помнит. Судя по всему, ее мужа взяли под стражу как подозреваемого в покушении на убийство. Я так думаю, что правильно. Если их в квартире было всего двое, то кто же, как не он, смог пырнуть ее ножом?» – Катя захлопнула тетрадь и посмотрела в окно. Был солнечный июньский день. Нежная листва больничного сада шелестела за раскрытыми окнами. Еще совсем недавно Катя радовалась и первой листве, и солнцу, и наступившему долгожданному лету, а что теперь? Что изменилось? Может, изменилась она сама?

Чувствуя, как предательски наполняются глаза слезами, как пощипывает в носу, Катя тряхнула головой, пытаясь рассеять мрачные мысли. Она была одна в сестринской. На стене висело большое овальное зеркало. Катя бросила взгляд на запертую изнутри дверь и сняла с себя белый халат. Уверенная в том, что ее никто не увидит, она, чувствуя, как заливается краской стыда, принялась рассматривать себя в зеркале. Она даже сняла белье и теперь стояла посреди кабинета совершенно голая, пытаясь увидеть свое тело глазами Алика. «Оно не могло не понравиться ему.» Как и мужчине вообще. Полная красивая грудь с яркими розовыми сосками, хорошая осанка, длинная шея, талия на месте, стройные ноги, разве что бедра полноваты... Ната чуть повыше, поизящнее, потоньше, а грацией напоминает кошку. Но разве нормально всю жизнь завидовать сестре и стараться во всем на нее походить? Да это просто невозможно.

Катя с горечью вспомнила, как примерно месяц назад ей в голову пришла совершенно отчаянная мысль примерить Натину одежду. Воспользовавшись тем, что никого нет дома, Катя вошла к Нате в комнату, достала из шкафа ее белье, несколько блузок, юбки, платья и стала

их по очереди надевать на себя. Как это ни странно, но все вещи оказались ей впору. Но смотрелись, конечно, совсем по-другому.

В дверь постучали. Катя быстро оделась и открыла. Никого.

Вздохнув, она поставила на поднос коробку со шприцами и лекарствами, и направилась в палату, где лежала пациентка, представлявшая собой большой интерес для Кати. Что должна испытывать женщина, на которую было совершено покушение на убийство? Кто и за что хотел ее убить? Что такого она могла сделать, чтобы ее кто-то приговорил к смерти? Все эти вопросы не находили ответов. Таня вела себя так, словно попала в больницу из-за простой царапины, а не из-за достаточно глубокой раны в области сердца. Ведь это просто чудо, что нож – Катя была уверена, что это был именно нож – не коснулся жизненно-важных сосудов и самого сердца. Хотя разрез был довольно-таки странный...

На тумбочке возле кровати стояла тарелка с вишней. В палате кроме Тани никого не было. Она лежала с отрешенным видом и смотрела в потолок.

– Как мы себя чувствуем? – стараясь держаться нейтрально при сильном желании как-то сблизиться, прикоснуться к тайне, спросила Катя.

– Никак, – отрезала пациентка и повернула голову к стене. – Достали уже...

– Кто достал?

– Сначала инспектор какой-то пришел, сегодня следователь. Ходят, задают одни и те же вопросы, пишут и пишут... Николая взяли. Тоже мне, нашли убийцу. Да он и мухи не обидит.

– Но ведь в квартире кроме вас двоих никого не было? – затаив дыхание спросила Катя, набирая лекарство шприцом.

– Не знаю... Ничего не знаю.

– А у вас дети-то есть?

– Общих нет. У него дочь есть. Если, конечно, так можно сказать. Взрослая.

– А она с вами живет?

– Иногда.

Понимая, что вопросов и так задано больше чем достаточно, Катя, сделав уколы, хотела было уже выйти из палаты, как вдруг услышала:

– Хотите вишен?

– Что?

– Вы бы посидели со мной. Мне тут вишню принесли, а я одна есть не люблю.

Катя вернулась и села рядом на стул. Она смотрела на бледное осунувшееся лицо Тани, огромные, почти фиолетовые глаза с сиреневыми кругами и ловила себя на том, что возле нее лечится от своего горя. Да, ей стыдно было признаться в том, что в эту минуту она примеряет СВОИ несчастья на Танины. И конечно, на фоне этой страшной трагедии уход из ее жизни Банка представился не таким уж и значительным. Она взяла горсть прохладных, мокрых от воды вишен и поднесла к губам.

НАТА ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ и заперлась в своей комнате. Ей предстояло все обдумать. Прикрепив к мольберту большой лист бумаги, она достала коробку с рисовальным углем и провела несколько жирных черных линий. На белом фоне появился довольно пасмурный пейзаж, состоящий из черных деревьев, черных облаков и черного дождя. От нарисованного повеяло холодом, по комнате стал распространяться запах дождя, мокрых листьев и земли. Ната накинула на плечи кофту, отошла от мольберта и, отложив уголек, взглянула на свои пальцы, испачканные кончики которых казались обугленными. «Это симптоматично», – сказала она вслух, подразумевая резкую перемену в своем мироощущении. Ведь раньше бы она нарисовала цветы или птиц, пронизанных солнечным светом, а теперь вот этот черный дождь. Это Снегирев унес с собой розовый, белый и желтый цвет. После него осталась лишь чернота. Но жизнь-то про-

должается, вокруг много света и тепла. Надо так все устроить, чтобы в случае возвращения Сергея, она не была бы застигнута врасплох. Поэтому необходимы условия, жесткие и даже жестокие, которые Банк должен принять, если действительно ее любит. Во-первых, она потребует от него квартиру под мастерскую. Это будет место, куда она всегда сможет спрятаться от кого бы то ни было. И для Банка двери этой мастерской будут всегда закрыты. Там она будет работать и ждать возвращения Снегирева. А в той большой квартире на набережной, которую Алик купил полгода назад для себя и Кати, они будут жить как муж с женой. Если же Банк на это не пойдет, то ничего и не будет. И все же, эти проблемы были ничто по сравнению с той реакцией, которая последует дома после того, как она объявит своим близким о решении выйти замуж за Банка. А что будет с Катей?

Ната уже много раз представляла, с чего она начнет свое объяснение с сестрой, даже придумала первую фразу («Катя, мне надо с тобой поговорить...»), но потом ей становилось страшно. Она уже словно видела Катины глаза, это недоумение, которое будет написано на ее лице в ответ на очевидное предательство. Но с другой стороны, если предположить, что не Ната выйдет замуж за Банка, а кто-нибудь другой. Вернее, другая. Разве тот факт, что Банк любит Нату, не является причиной, по которой Катя не должна выходить за него замуж? Разве уже то, что он не любит ее, не говорит о том, что их предполагаемый брак был бы обречен?

Так, успокаивая себя и оправдывая, она провела весь вечер в своей комнате и даже не вышла к ужину. Уже перед сном, наткнувшись в коридоре на Катю, она чуть было не обняла ее в каком-то порыве вины, но тут же взяла себя в руки и заперлась в ванной. Позже, зайдя на кухню к Кларе, которая с огуречной маской на лице полулежала в кресле, Ната, налив себе молока, присела рядом и четко проговаривая каждое слова, сказала: «Мама, я выхожу замуж за Алика Банка».

РОЗОВАЯ КОМНАТА. Люся ходила быстро, Веруся едва за ней успевала. «Куда ты все время спешишь? – спрашивала она. – Разве мы опаздываем?» «Я тороплюсь жить, – резонно замечала Люся, не сбавляя ходу. – Вдруг меня сегодня или завтра собьет машина, а я еще ничего хорошего в этой жизни не видела. У меня планы, понимаешь?» И Веруся, которая имела самое смутное представление о высоких планах подруги, замолкала и прибавляла шаг. Жизнь Люси была наполнена тайнами. Это касалось абсолютно всего, начиная с дома. Вера знала, что Люся живет в трехкомнатной квартире в Бордовском переулке с отчимом и мачехой. Уже этот факт давал волю фантазии. Она не могла себе представить, как это под одной крышей может жить мужчина, не являющийся настоящим отцом Люси, и молодая женщина – его жена, к которой она тоже не имела никакого родственного отношения. Мать Люси умерла три года назад, оставив ее на попечение своего второго мужа, который был на одиннадцать лет ее младше. И если Люсе сейчас было восемнадцать, то ее отчиму всего двадцать пять, а его второй жене – двадцать три.

Сразу после окончания школы Люся, не поступив в университет на исторический факультет, устроилась машинисткой в НИИ «Геолог», где работала до обеда. В отличие от Веры, которая из-за тяжелого воспаления легких не поступала в тот год вообще никуда и по настоянию родителей осталась дома, Люся теперь являлась человеком работающим, а значит – взрослым. Вера, весь год готовившаяся к поступлению на филологический факультет университета, завидовала подруге, что та теперь РАБОТАЕТ, а не корпееет над учебниками, и в душе была согласна с ней, что учеба приносит только вред. «Что толку с диплома, если все равно никуда не устроишься?» – повторяла Веруся явно чужие слова, не вникая в их смысл и уж, во всяком случае, меньше всего задумываясь над проблемой безработицы в стране. Она воспринимала жизнь такую, как она есть, и была по-своему счастлива. Люся же постоянно бравировала своими знаниями в области политики и достаточно часто произносила вслух слово «война».

– Откуда ты все знаешь? – спрашивала Вера.
– Работы мало, так я от нечего делать газеты читаю.
– И что же в них пишут?
– А ТО, что бежать отсюда надо, и как можно скорее. Нечего здесь ловить, поняла?
– Что, вот так и пишут?
– Нет, просто все страницы пропитаны кровью, а когда начинаешь читать, то слышишь плач. А я так не хочу. Хочу сытой спокойной жизни, денег и хорошего мужа, ясно?

– Куда мы идем?

Был жаркий июньский день, светлое с утра небо к полудню налилось яркой голубизной и стало грозить дождем. Под ногами плавился асфальт. Вера с Люсей быстро шли по улице Лермонтова, не останавливаясь даже у киосков с пепси и фантой. Люся уже отработала, они встретились с Верой возле цирка в два часа дня. Уверенная в том, что они сейчас пойдут в какое-нибудь кафе, Вера обрадовалась, когда Люся объявила, что они идут в гости. Только к кому – не сказала.

Они остановились возле двухэтажного особняка красного кирпича, постояли немного, чтобы отдышаться от быстрой ходьбы, в тени старого тополя, потом Люся уверенно нажала на черную кнопку звонка и замерла.

– Меньше говори, больше смотри и слушай. Если что – уйдешь...

Эти последние «Если что...» насторожило Веру. Обычно, когда Люся приводила ее к своим друзьям, то всегда говорила при этом: «ничего не бойся». А что же теперь?

В целом, схема общения Веры с Люсей была проста. Они гуляли по центральным улицам города, сидели в недорогих кафе, ходили в кино, потом Люся кому-то звонила, договаривалась о встрече, и они, взяв такси или частную машину, ехали по адресу. Как правило, в квартире находился один мужчина. Судя по всему, все они были предупреждены о том, что Люся придет не одна, поэтому лишь взглянув на Верусю, мужчина запирался в комнате в Люсей, оставив Веру на кухне. Краснея от звуков, доносившихся из-за двери комнаты, где «Люся зарабатывала деньги», Вера в то же самое время испытывала целую гамму чувств. Во-первых, она страшно гордилась тем, что Люся ей так доверяет. Во-вторых, она нередко представляла себя в роли Люси. Это было упоительное и мучительное занятие. Не видел ни разу в жизни – разве что по телевизору, – как мужчина с женщиной занимаются любовью, и что в действительности происходит между ними (в физиологическом плане), и какие ощущения они при этом испытывают, Вера закрывала глаза, расслаблялась на стуле и тихонько постанывала от непонятных и острых ощущений. Она не знала, что с ней происходит.

Потом из комнаты выходила Люся и дождавшись, пока Вера соберет со стола все конфеты, фрукты и шоколад, которые предназначались ей для времяпрепровождения, отвозила ее домой.

Перед тем, как расстаться, Люся всегда давала Вере деньги. Чаще всего это было пятьдесят тысяч рублей, реже – стотысячная купюра. «Откладывай», – всякий раз советовала ей Люся и при этом как-то странно смотрела на нее. «Но за что, я же ничего не делала!» «Вот за это самое». Боясь больше всего показаться непонятливой или глупой, Веруся в последнее время совершенно запуталась во всем, что касалось Люси. Она ее уже ни о чем не спрашивала, а только делала так, как ей говорили. Люсе немного времени понадобилось, чтобы убедить Веру, что то, чем она занимается – единственный верный для нее способ заработать деньги для того, чтобы потом уехать за границу. Грубо спекулируя своими «сложными» отношениями с отчимом и мачехой, она в глазах наивной подруги превратилась в жертву, в героиню. Ведь она же «продавала свое тело за деньги.»

«Тебе не нравится ЭТО? – спросила ее как-то раз Веруся. – Скажи, это противно?»

Люся взглянула на нее, пожала плечами и вдруг сказала: «Старайся никогда в жизни не делать того, что тебе противно.» И расхохоталась. Но потом, успокоившись, добавила: «Я пошутила. Это просто ужасно. Мне бы не хотелось травмировать тебя, понимаешь?» И вот при этом «понимаешь?» она близко-близко наклонилась к ней, и Веруся чуть не задохнулась от терпкого, пряного, густого аромата ее духов.

Дверь открылась как будто сама. Они вошли в дом и оказались в темном узком коридоре, переходящем в высокую деревянную скрипучую лестницу. Сверкнул яркий треугольник света, сверху распахнулась еще одна дверь и осветила тонкую девичью фигурку.

Еще несколько шагов, и все оказались в просторной комнате с высокими потолками и высокими же, узкими окнами, плотно занавешенными налитанным солнечным светом шторами персикового цвета, от чего и комната казалась розовой и душистой.

СИГАРЕТА ВЫПАЛА ИЗ РУК. Тамара подняла стекло. Она видела, как Глеб вышел из дверей университетского здания и направился к автобусной остановке. Она могла, конечно, догнать его и предложить подвести, но что от этого изменится?

Дождавшись, пока он не сядет в автобус она завела машину и выехала с университетского двора на шумный проспект.

Виктор Наполов ждал ее на автостоянке возле кинотеатра «Иллюзион». Тамара достала расческу и взглянула на себя в зеркало, и вдруг увидела Нату. В прекрасно сшитом зеленом платье и розовых туфлях, тоненькая, с блестящими на солнце волосами, она стояла прямо у входа в кинотеатр и рассматривала афиши. К ней подошел Алик Банк. Они, ничего не сказав друг другу, как люди, заранее обо всем договорившиеся и знающие наперед, что произойдет с ними в ближайшее время, достаточно резво перебежали оживленную улицу и скрылись в подъезде высокого здания, где размещалась детская библиотека.

Тамара пришла в себя только после того, как поняла, что перед ней стоит Виктор и выжидательно смотрит на нее.

Она открыла дверь и пригласила его сесть в машину.

– Что с тобой? – спросил Виктор. Это был высокий брюнет с бледным лицом, на котором выделялись темно-красные губы и продолговатые светлые глаза. Глядя на него, никому бы и в голову не пришло рассказать ему какой-нибудь анекдот – настолько к этому лицу не подходила улыбка. Но при этом этот Виктор Наполов обладал легким характером, с ним всегда можно было договориться о чем угодно. Он сам позвонил вчера вечером Тамаре и пригласил ее съездить за город. И Тамара, утомленная поисками, чем бы таким ей заняться после работы, согласилась.

Она знала, зачем Виктору понадобилось встретиться с ней и не осуждала его. Если человек сознательно идет на это, значит он доведен до крайности. Излечить же его от любви к своей жене Марине было, судя по всему, невозможно.

У него была большая клетчатая сумка, которую он закинул на заднее сидение.

– Спасибо, что согласилась, – сказал он. Голос у него был низкий и очень приятный. Кроме того, Тамару устраивало еще и то, что он вообще мало говорил. Для такой ситуации, в которой она находилась, это играло немаловажную роль.

Выехали за город и помчались вдоль огромного желтого поля. Тамара попросила Виктора опустить стекло, открыла и свое окно, и в салон ворвался сухой и горячий запах леса, травы и цветов.

Они поехали на свое место. Спрятав машину в кусты от солнца, расстелили на зеленой поляне, примяв цветы, плед. Виктор достал свою сумку, расстегнул «молнию» и принялся доставать оттуда пакеты с бутербродами, пирожные, клубнику, большую бутылку персикового

сока, сигареты, белый парик, черные ажурные чулки, боди кроваво-красного цвета с черными кружевами, флакон с туалетной водой «Голубые цветы».

Тамара попросила его отвернуться, разделась и стала натягивать на свои тонкие сильные ноги чулки. Тугие резинки вокруг бедер были усыпаны крошечными шелковыми розочками. Затянувшись в тесное боди и разгладив кружева на груди, она надела на голову парик – чудо из белоснежных густых волос, – расправила кудри, подкрасила губы и легла рядом с пледом на траву.

– Все? – спросил Наполов. Он стоял спиной к ней и грыз сухую травинку. Серые брюки его пониже живота вздулись, он тяжело дышал.

«Боже, что я здесь делаю?» – подумала Тамара, принимая соответствующую моменту позу и испытывая противоречивые чувства. Нет, Виктор, к сожалению, совершенно не был похож на Глеба. Это был односторонний самообман, эгоистичный по отношению к ней.

Однако, уже очень скоро на смену этим мыслям пришли другие. Причем, прозрачные настолько, что их словно и не было. Существовала пара – мужчина и женщина. И какая, в конце концов, разница, КАК мужчина называл в порыве страсти – или похоти, – женщину: Мариной или Тамарой. Прекрасный экземпляр, сильный, чувственный до сладострастия и вместе с тем порочный. Как много теряла на этой желтой поляне свояченица Марина. Да и существует ли она на самом деле? Не выдумал ли ее Виктор?

Он слизал с ее виска капельку пота:

– Как жаль, что ты меня не любишь, – в сердцах проговорил он. И Тамаре показалось, что эти слова относятся именно к ней – брюнетке с желтыми глазами («и окровавленным скальпелем в руках, в окружении мертвецов» – услужливо подсказал ей кто-то, должно быть шмель, присевший рядом на цветок).

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ лежало на постели. Ната стояла у окна, Клара сидела в кресле.

– Ты действительно ничего не скажешь Кате? – спросила она.

– Так она же все знает.

– Но ведь должен же был кто-то сказать ей об этом... Хотя я и твой отец считаем, что это должна сделать ты. Разве так трудно понять?

– Я понимаю, но не могу. Я напишу ей письмо.

– Она не придет на свадьбу...

– Я бы на ее место тоже не пришла.

– Верочка плачет в своей комнате. Ты не хочешь с ней поговорить?

– Она же совершенный ребенок, о чем с ней можно говорить.

– Ната, я не узнаю тебя... Откуда в тебе эта жестокость? Ты уверена, что этот брак принесет тебе счастье? – Клара растеряла уже весь свой запас слов и теперь сидела в растерянности перед дочерью, не узнавая ее, и пытаясь представить, что все этой ей снится.

– Мама, – Ната повернулась к ней, и Клара увидела в ее руках несколько истерзанных розовых пионов. Лепестки плавно опускались на пол возле босых ног Наты. – Скорее Я буду счастлива с ним, чем Катя. Алик не такой человек, который эту жизнь способен любить одну женщину. А Кате нужно другое. Поверь, она не прожила бы с ним и месяца...

– А ты? Ты проживешь? – Клара заплакала и спрятала лицо в ладонях.

– Да, если не вернется Сережа. Ты же знаешь...

– Ты сошла с ума. – Клара встала и вышла из комнаты.

На кухне за столом сидел Глеб. Перед ним лежал чистый лист бумаги. Он собирался написать список приглашенных на свадьбу.

– Знаешь, милая, – сказал он, увидев появившуюся в дверях жену. – Будь я на нашем месте, то никого бы не пригласил.

Клара кивнула головой и по-инерции принялась очищать луковицу.

Они познакомились. Девушку звали Соня. Заспанная, с розовыми припухшими веками, в накинutom голубом шелковом халате, пригласила гостей за большой стол, заставленный тарелками с остатками еды. Люся придвинула хозяйским жестом к Верусе блюдо с подсыхшими полумесяцами ананаса, сама же выбрала затерявшуюся среди размокшей черешни землянику и принялась есть.

– А я вот сплю. Где-то вычитала, что сон омолаживает. Для кожи особенно полезно. – Соня запахнула плотнее халат, словно ее зазнобило, и зевнула. Длинные светлые волосы ее были небрежно забраны дорогой французской заколкой цвета потемневшего янтаря.

Веруся осторожно откусывала кусочки ананаса и с любопытством разглядывала комнату. Из мебели в ней присутствовали только огромная кровать, два кресла, стильный зеркальный шкаф, занимавший почти всю стену, и комод, заставленный парфюмом и косметикой. Пол покрывал розовый с желтым ковер, мягкий и невероятно чистый. На окнах трепетали прозрачные опаловые занавески. В углу комнаты стояла гигантских размеров напольная ваза белоголубых тонов, в которой подсыхали белые и красные гладиолусы. О такой комнате можно было только мечтать.

Почему-то никто ничего не говорил. У Веруси создалось впечатление, что они чего-то (или кого-то) ждут. Она начала нервничать. В квартире была всего одна комната, поэтому, если ждали мужчину (или мужчин), то Верусе предстояло провести какое-то время на кухне.

Казалось, воздух в комнате был особенный, Веруся неизвестно почему чувствовала, как пульсирует кровь в кончиках пальцев и горячими волнами напитывает щеки. Она не понимала, что с ней происходит.

Произошло движение, она подняла голову и увидела, как Соня, распустив волосы по плечам, села на колени к Люсе и как-то особенно сильно, в порыве, прижалась своими губами к ее губам. Глаза у обеих были закрыты. Затем Люся принялась целовать грудь Сони. Голубой халат съехал с плеч, открывая белое хрупкое тело. Веру затрясло.

– Хочешь с нами? – услышала она далекий голос Сони.

Они перебрались на кровать, разделись и принялись обниматься, как это делают мужчина с женщиной. Тело Люси по сравнению с Соней, было более женственным и розовым. Быть может, так казалось от того, что все предметы в комнате приобрели розоватый оттенок. Вера слышала, как девушки постанывают, и волна тошноты подкатила к ее горлу. Она вся горела.

– Раздевайся, поспим, – как во вне прозвучал все тот же голос.

У Сони была маленькая грудь с сосками, похожими на изюм.

Вера разделась и легла рядом с ними. Она зажмурила глаза и почувствовала, как кто-то – Люся или Соня – целует ее в шею, плечи. Чьи-то руки гладили ее бедра и живот. Затем чья-то теплая ладонь скользнула между бедер и замерла там, словно устраиваясь поудобнее и надолго. Непривычная к таким смелым прикосновениям, Веруся вся напряжилась, ожидая, что же будет дальше. Она представила себе, как десятки рук ласкают ее тело, изучая его и пробираясь все глубже в ее естество. Ощущения были неслыханными по своей остроте и тому блаженству, которое приносили изголодавшейся по нежности Верусе. И тут произошло нечто. У нее перехватило дыхание. Она даже вскрикнула, почувствовав, как какие-то чудесные мягкие толчки погнали по всему ее телу, начиная с низа живота, физическую радость. Словно каждая клеточка ее тела выпустила по капле меда.

Она открыла глаза. По вискам ее струился пот. Она была счастлива. Соня заботливо промокнула ее лоб чем-то кружевным и мягким.

– Она еще девственница, – сказала Люся. – Для первого раза достаточно.

ПОЭМА ЭКСТАЗА. «Нет, все было не совсем так.» Глеб все же пришел ко мне. Шахматы, кофе и сыр. Он по-прежнему считал меня сумасшедшим стариком.

– Вы знаете, я уже говорил вам, что преподаю физику в университете, так вот Саша, Александра была моей лаборанткой. Ну предположим, Господь с вами, что вы, как цветок, вырастили и ее, но с чего вы взяли, что она моя секретарша? Лаборантка. А почему я, собственно, вам все это рассказываю? Да я и сам не знаю. Нравится вы мне и все. Да, кстати, в этом вашем романе сами-то вы присутствуете? Угощаете меня кофе, там, я не знаю, сыром? Водите меня по саду? Я покачал головой: тут он был прав – там меня не было. Поэтому последствия наших бесед – наш общий экспромт. Если бы Глеб услышал мою мысль, он бы глубокомысленно изрек: «Это жизнь.»

– Значит, она ваша лаборантка?

– Да, но только была. Сейчас она в декрете.

– Вы любите ее? Клара знает о существовании Саши?

– Нет, что вы, конечно не знает. Вы просто еще плохо знаете мою жену: да если бы она узнала, она бы вышвырнула меня, как пса...

– Вы не познакомили меня с ней.

– Да хоть сейчас!

– Нет-нет, успокойтесь, – а мне действительно было так приятно и уютно находиться в своем кресле, что я размяк, как масло и весь ушел в слух. – Продолжайте.

Глеб почувствовал в этой молодой женщине какой-то особый аромат печали и изысканности, наверно то, что ему не хватало дома. Клара – прекрасная земная женщина, обладающая здоровой притягательной силой, Саша – вечный молчаливый укор как бы всему суетному, шумному, олицетворение протеста против всего «общественного», «обобществленного» (слова-монстры, понятия-монстры, которые она не принимала). Она жила своим миром, не оглядываясь на других. Глеб видел в этом силу, хотя на самом деле здесь было совсем другое. Но он еще не скоро узнает об этом. Потому и сидит сейчас, вполне довольный жизнью, и рассказывает об утонченной Александре, живущей на грани оттенков, звуков, танцующей замысловатый изящный танец в пасти крокодила.

– Почему крокодила?

Я рассмеялся:

– Ее могут проглотить в любую минуту ваши монстры, так пусть это будет крокодил.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Хотя я так не считаю. Пока я с ней, ей не о чем будет беспокоиться.

И он принялся перечислять все, на его взгляд, необходимые ей для жизни, вещи и вещицы: «Шкатулка из яшмы, серебряная солонка, чайный сервиз, бусы из хризолита...» И все это, не считая платьев, блузок и пеленок для маленькой новорожденной Машеньки.

– Знаете, она чем-то напоминает мне мою старшую дочь, но Наталия моя более жизнерадостна. Наталия – творит, она постоянно рисует, она готова изрисовать все пустое пространство будь-то на бумаге, ткани, коже, стене... Саша – по природе созерцатель. Она питается ЧУЖОЙ живописью, слушает ЧУЖУЮ музыку, наслаждается всем этим и... почему-то угасает.

– Признайтесь, Глеб, ведь она утомляет вас. Она просто до смерти утомила вас. Она парализует вас!

Он закрыл ладонями уши и замотал головой, как от зубной боли. Я понял, что попал в цель.

– Вы не должны так говорить! Я боготворю ее...

– А спите с Кларой.

– Это не высокопарность: я ответственен за нее, наконец.

– Вот это совсем другое дело. Теперь представьте, что с ней станет, если вы ее бросите? Хотите прочитаю?

Глеб медленно поднял на меня глаза. Казалось, он испугался.

– У меня есть и такой вариант. Собственно, я помню этот кусок наизусть.

«Он пришел к ней через месяц. Открыл дверь своим ключом. Звучала музыка Скрябина. Саша лежала в темной, с задернутыми шторами, комнате, с закрытыми глазами. Услышав шаги, она слегка повернула голову и удивленно вскинула брови. «Милый, как хорошо, что ты пришел...»

– Довольно! – Глеб встал с кресла и зашагал по комнате. – Да, все так оно и есть. Но только я не оставляю ее. Это правда, в ней мало жизни, но весь смысл моего раздвоения, если хотите, и заключается в контрастах.

– Вы ходите по канату.

– Да, я канатоходец, меня устраивает моя жизнь. И я действительно люблю Клару. Вот вы сейчас так на меня смотрите, что мне уже кажется, что не вы сумасшедший, а я. Но и это нисколько не шокирует меня.

Он немного успокоился и вернулся в кресло.

– Очень вкусный сыр, свежий, и чай...

Он улыбнулся, и мне показалось, что мне улыбнулось мое отражение.

ДУХИ МОЕЙ СЕСТРЫ. Катя вышла из булочной и столкнулась лицом к лицу с Банком. Не зная, что сказать и как себя повести, она спросила первое, что взбрело ей в голову: «Это что, энциклопедия?» И ткнула пальчиком в зажатую под мышкой Банка толстую книгу в черном кожаном переплете.

– Нет, словарь иностранных слов. Восполняю пробелы в образовании, – улыбнулся своей ослепительной улыбкой Банк.

– А в булочной что забыл?

– Тебя. – Он подхватил ее под локоть и вывел на улицу. Катя едва сдерживала слезы. – Как дела, заяц?

– Никак. Живу, работаю.

– И все?

Она так и не поняла, зачем он тогда это сделал.

– Я был дурак, что ушел тогда, но мы можем все проиграть заново...

– Я в такие игры больше не играю, – не поднимая глаз, проговорила Катя и покраснела.

– Дома кто есть?

– Не знаю.

Дома было тихо, Катя с Банком скрылись в ее комнате. Банк запер дверь, прижался к Кате. Она не понимала его, стояла, покорная, босиком на полу. Банк целовал ее шею, плечи, расстегнул платье, нашел грудь и чуть не прокусил ее в каком-то странном наваждении. Он не видел слез, бегущих по ее щекам, он видел НАТАШУ, он обнимал ее на ложе терпких веток, он впивался пальцами в ее шею, путался в складках ее воздушного платья, растворялся в умопомрачительном аромате ее тела и духов, целовал колени, ползал в тесном квадрате этой несчастной детской площадки, задрал, наконец, платье, стянул трусики и расплющил ее, плачущую, в проеме между дверью и шкафом, она стонала и плакала, билась головой о стену, потом вскрикнула и рухнула вниз, он едва успел подхватить ее на руки и положить на кровать...

...Когда он встал и застегнулся, Катя смотрела на него широко раскрытыми глазами, забыв прикрыться хотя бы платьем. Уже у двери, когда Банк остановился, чтобы сглотнуть

и не раскашляться от сухости во рту и перенесшего потрясения, она произнесла, дергаясь всем телом и не в силах унять судороги:

– Я Катя, понимаешь? Я не Ната, я только подушилась ЕЕ духами...

ОСТРОВ. Теперь, когда у нее появились деньги, она зашла в магазин с особым чувством, и остановилась, чтобы оглянуться, не видит ли кто ее. Крохотная квартирка, которую она сняла два дня назад, когда уже все было решено и она была уверена, что сумеет оплатить ее, требовала бархатистых, цвета шоколада, занавесок, белой сборчатой тюли, золотистого, с желтым тиснением, плотного гобелена на тахту и великого множества безделушек. Она уже все решила, и подъезжая на такси, нагруженном покупками, к неприметному серому, с облупившейся штукатуркой, особнячку, молила Бога о том, чтобы ее не увидели знакомые. Этот рай она создавала для себя. О нем не узнает никто, ни муж, ни родные. Она все сделает сама, у нее хватит сил, потому что она знает, для КОГО все эти усилия. А Банку она скажет, что на эти деньги, которые он дал ей, чтобы она подготовилась к свадьбе, она прикупила белья, откуда он знает, что у нее есть... Кроме того, из квартиры впоследствии можно будет сделать маленькую мастерскую, а почему бы и нет?

В дверь позвонили, она замерла, прислушалась, потом на цыпочках подошла к двери и заглянула в глазок. Отшатнулась. Посмотрела еще раз и подумала, что она больна. «Снегирев, ты в Сибири. Не смейся надо мной,» – сказала она призрак и отошла от двери. Вечером ей предстояло испытание: разговор с Катей.

ОБЕД С НЕКРОФИЛИЕЙ. Тамара, распрощавшись со своими трупами до следующего утра, заглянула к Мазановым. Попала к обеду.

– А где все? – спросила она, с аппетитом уписывая щи и поглядывая на горку котлет. За кухонным столом обедали Глеб, Клара и Веруся. – Где девочки?

– Вам что, тетя Тамара, меня не достаточно? – спросила Веруся, состроив гримаску и подцепив вилок котлету. – Ешьте быстрее, а то эти траглюдитки прискачут и нам с вами ничего не достанется.

– Вера! – Клара покачала головой.

– Мам, вот только не вспоминай по моему поводу, готовлюсь ли я к экзаменам. Вот этого не надо. Неужели ты думаешь, что все то, чему нас учили десять лет, я смогу позабыть за какой-нибудь месяц?

– Клара, оставь девочку в покое, посмотри на нее, от нее только кости и кожа остались.

– Отец, называется, вот не поступит, кто будет виноват?

Веруся подцепила еще одну котлету, капнула жиром на скатерть, извинилась глазами, пожала плечиками и подложила себе на тарелку салата.

– Тетя Тамара, скажите, ваши мертвецы, или как вы их называете «жмурики», кричат, когда вы их пилой режете?

Клара выбежала из-за стола.

– Нет, они хлюпают внутренностями и чавкают, как болотная тина.

– Па, ты чего так смотришь на меня? Просто я с тетей Тамарой на медицинские темы беседую.

– Глеб, прости дитя, она не знает, что говорит.

– Очень даже знаю, а вот, кстати еще, пока мама не пришла: к вам некрофилы приходят? Позабавиться? плотоядно захихикала Веруся.

– Нет, не приходят.

– А я бы на вашем месте бизнес сделала: с каждого некрофильчика по сотне за ночь – озолотились бы!

Вернулась Клара. Извинилась.

– Я с этой негодницей совсем забыла: ведь Наталия замуж выходит.

– За кого? – не донесла вилку до рта Веруся. – Неужели ОН приехал?

– Кажется, я догадываюсь, – тетя Тамара вздохнула. – А что с Катей?

– Ну почему, почему все все знают, предполагают, а я как слепая! – всплеснула руками Клара. – Ну скажите мне, когда это у них началось? Ведь еще совсем недавно он приходил к КАТЕ, помните, с цветами?.. У них же все было хорошо...

– Я и сам об этом только сегодня узнал, мне сама Наташа сказала. Причем даже не потрудились объяснить, как она утрясет все это с Катей, – подал голос Глеб.

– Цветы, – задумчиво произнесла тетя Тамара, вспомнив тот вечер, когда она на такси выезжала со двора. Она тогда сразу узнала светлое шифоновое платье Наташи. Ей страсть как хотелось сказать кому-нибудь фразу наподобие этой: «Они занимались любовью у всех на глазах на детской площадке.» Но сказать это ее родителям язык не поворачивался.

ЕСТЕСТВО-ПЫТАТЕЛЬ. САДИЗМ ВО ИМЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ КОШАЧЬЕГО УЖИНА. Веруся, соскучившись по подруге, решила ее навестить. Она позвонила в дверь и в нерешительности затопталась на пороге: Люська запретила приходить к ней, умалчивая причины и не оставляя даже надежды на обладание той тайной, которой была окутана эта обычная на первый взгляд квартира. Веруся, как всякий нормальный человек строила предположения, что это могло быть связано с тяжелым характером отца Люси или общей атмосферы в доме. Слово атмосфера представлялось Верусе почему-то ядовитым сине-желтым облаком, в котором все только и делают, что чихают, кашляют и матерятся. Она видела, как эта самая атмосфера действует на жизнерадостную в общем-то Люсю, заставляя ее бледнеть и то и дело запудривать следы недавних слез. Однажды Люся и вовсе пропала почти на неделю, как раз перед выпускными экзаменами, ну и переволновалась же Вера! Ходила вокруг дома, круги наворачивала, а подойти и нажать на кнопку звонка храбрости не хватило. А вот сейчас она стояла и давила изо всех сил на звонок, но слышала лишь биение собственного сердца.

Когда щелкнул замок, у Веруси подкосились ноги и она едва устояла, чтобы не упасть. «Дура, – обругала она сама себя, – трусиха несчастная, ну не съедят же тебя...»

Увидев Люсю, Вера кинулась ей на шею. Люся, ненавидевшая подобные излияния чувств, ограничилась слабой улыбкой и пригласила подругу в квартиру. Полы были сырые, их только что помыли, на веревках, протянутых через длинный коридор, висели мокрые простыни и наволочки. Люся провела Веру в комнату, усадила в кресло. На журнальном столике стояла пепельница; Люся, одернув короткий красный халатик, достала сигарету и закурила.

– Ты куда пропала-то? – Веруся не курила, хотя ей и нравилось смотреть, как раскуривают тоненькие изящные сигаретки, она ощущала себя намного уютнее и теплее, когда рядом с ней кто-то курил. Вот и сейчас она сосредоточила свое внимание на оранжевом пламенеющем кончике сигареты. Люся между тем говорила.

– ... ты должна доказать мне свою преданность.

– Что?... – Веруся встрепенулась и поймала Люсин взгляд. – Каким образом? Какую преданность? Разве я тебя хоть раз предавала?

– Нет.

– Все очень просто, и от тебя не потребуется ничего сверхъестественного, ты просто должна будешь сказать, что в тот вечер, вплоть до одиннадцати часов, мы провели с тобой на чердаке.

– Но ведь мы же с тобой действительно были там вместе. Нет ничего приятнее, чем говорить правду.

Веруся имела в виду свое почти каждодневное вранье, от которого устала и начала уже просто запутываться в своих объяснениях и баснях. Ее спасало только одно: родители были так поглощены друг другом, а может и чем-то по отдельности, что спрашивая свою младшую дочь, где она пропадала целый день и где, к примеру, обедала, вполне удовлетворялись красивой историей о прогулке к старой учительнице, а то и вовсе зоопарком. Мысль о том, что Веруся, эта розовощекая хрупкая девчонка со смешной выгоревшей челкой и пышным конским хвостом на затылке, эта недоросль с щенячьими угловатыми повадками и лукавыми близорукими глазами цвета недозрелого винограда, испытала свой первый любовный восторг, лежа в постели со своими подружками, убила бы их на месте.

Веруся, между тем, разглядывала квартиру. Квартира, как квартира, чистая, ухоженная, ни одной вещи, по которой можно было бы судить о хозяевах. Ни домашних тапочек в коридоре, ни ночной сорочки, ни оставленной на зеркале помады – ничего.

– А где все твои?

– На работе, – сказала Люся и перевела разговор на другую, как она считала более интересную для госты тему. – Как тебе Соня?

– Ой, знаешь, – у Веруси запылали щеки, а веснушки потемнели, что говорить о глазах! – Я не знаю, что со мной такое было... Я уже говорила тебе... А Соня эта, такая красивая, действует прямо как вино.

Люся удовлетворенно улыбнулась.

– Мы можем сходить к ней еще как-нибудь...

– Не знаю, что и сказать... Может второй раз и не получится.

Люся пожалала плечами и улыбнулась. Она некоторое время молчала, рассматривая пепел сигареты, не зная, как далека от нее сейчас и Веруся. Чердак, свечка, запах голубиного помета и сам голубь, испуганный, с черными глазами – булавочными головками, притихший, понимающий... И глаза Люси, выражающие ужас: «Я забыла, я забыла его дома... Как приготовила на полке, так он наверно там и остался... Я принесу, не выпускай его...» Веруся тогда расстроилась: «Говорила тебе, напоминала, и вообще, не понимаю, зачем тебе понадобилось чинить карандаши именно скальпелем...» Люся прибежала через двадцать минут, не давая себе отдыхать, взяла голубя в руки – головку в одну, туловище – в другую – и резко, как-то даже зло ударила себя птицей по колену. Кровь, теплая и почти черная при свете свечи, брызнула на белые ноги Веруси. «Мы его спасли, – вздыхая и оправдывая свои биологические опыты, произнесла она, заботливо вытирая люсины колени заранее приготовленной для этого тряпкой. – Со сломанной лапкой он бы достался на ужин Барсику. А так пригодится для науки.» Она еще раз вздохнула, разложила на доске для шинковки капусты разодранного голубя и взяв в руки скальпель, сделала глубокий надрез в том месте, где по ее представлению должно было находиться сердце. Люся, белая, как простыня, стояла рядом и молча наблюдала, как Веруся, погрузив пальцы в кровавое месиво, вырывает голубиное сердце.

«Ты все-таки ненормальная, Верка.» «Да нет же, – чуть не со слезами в голосе отвечала Веруся, держа на вымазанной кровью ладонке крохотное, еще горячее сердце. – Просто я так, наверно, никогда и не пойму, почему оно бьется.. Вот посмотри, обыкновенные мышцы, сосуды, ни тебе электричества, ни магнитных полей, я ничего не понимаю... Почему оно бьется? Может мне кто-нибудь объяснить?» «Это Бог, дурочка, – с отвращением к жуткому зрелищу фыркнула Люся и отвернулась. – Он вдохнул жизнь. А мы убили ее.» И вдруг она зарыдала, в голос, потом ее вырвало на лестницу, и Веруся, испугавшись проводила подругу домой.

На обратном пути она поднялась к себе на чердак, собрала останки птицы в сорванный во дворе большой лист лопуха, схоронила голубя в клумбе среди маргариток, прибралась на чердаке и, завернув скальпель в тряпку, пошла домой.

ТРЕПАНАЦИЯ ШЛЯПЫ С ЦВЕТАМИ. ФАНТАЗИЯ В БЕЛЫХ ТОНАХ. – Хочешь, я уйду от Клары?

Саша подняла на Глеба свои ярко-синие глаза и покачала головой. Она надевала перед зеркалом шляпу, в то время, как маленькая Маша, уже почти одетая, в белом кружевном платице била в нетерпении погремушкой по деревянной решетке кровати. Глеб смотрел на белую соломенную шляпу Саши, на маленький букетик цветов, приколотый к шляпной шелковой ленте и поражался, до чего же не похожа Саша ни на кого.

Человек, совершенно выпадающий из реальной жизни, окруживший себя близкими сердцу, однако, совершенно немыслимыми вещами, вот наподобие этой шляпки с цветами, этих узких туфлей, сшитых на заказ. Почему? То, что поначалу так привлекало его в Саше, молчаливой и оригинальной девушке-лаборантке, стало его по-настоящему раздражать. И эту фразу «хочешь, я уйду от Клары», он сказал, прекрасно зная, как отреагирует на нее Саша. Ему вдруг захотелось снять эту дурацкую и в то же время прекрасную шляпу, задрать пол-головы и заглянуть внутрь Сашиных мыслей: что там? Что она ждет от жизни? Почему так печальны ее глаза? Откуда этот живой синий цвет, неестественный и густой, как капля синих чернил на белой глянцева бумаге? Он давно потерял всякую надежду на обладание Сашиным белым совершенным телом: он боялся ее. Он вдруг понял это и как-то странно посмотрел на Сашу, поправлявшую в это время светлые кудри на висках. Он представил себе, как вот здесь, в этой узкой прихожей, на глазах их дочери, он сорвет с нее шляпу (право, какое дикое и постоянное желание), разорвет на груди тонкую блузку с десятком перламутровых пуговиц, задерет узкую белую юбку, шелковую с колючими кружевами сорочку и возьмет ее прямо здесь, на этом ворохе белья, и будет делать это долго, чтобы получилось много-много Маш, Саш и прочих его детей, замучает ее до слез, крови, смерти, а может... жизни? Может тогда она оживет? И личико у нее раскраснеется, как тогда, давно, в лаборантской, когда он впервые усадил ее к себе на колени и где они действительно зачали Машеньку?

Саша, мазнув розовой помадой по губам, усмехнулась ему так, словно сама принимала участие в его мыслях, и сдвинула шляпу набок.

– Возьми коляску, – сказала она ему подчеркнуто-любезным тоном, – оставишь внизу и можешь возвращаться домой.

ЛИКБЕЗ НА ТЕМУ СЕКСА. – Ты поговорила с Катей?

Наталия молча покачала головой. Они обе знали, что Катя осталась во вторую смену, и что Наталия просто не успела объяснить сестре, почему она выходит замуж за ее жениха. Клара, пряча глаза так, словно это она была во всем виновата, отложила в сторону штопанье и вздохнула. Наталия, подрезавшая в это время розы, сидела невозмутимая за столом на кухне и думала о чем-то своем.

– Тебе не жаль ее разве?

Клара заплакала неожиданно, представив себя на месте Кати.

– Они же никогда не любили друг друга, мама.

Клара хотела сказать дочери, что слово «любовь» у нее давно ассоциируется со словом «динозавр» или «мастодонт», но воздержалась от комментариев, высказав предположение, что и в настоящем браке Банка с Наталией этого чувства как-будто не видно. «Я его не люблю, это верно, зато он меня любит. Если бы Сережа женился на мне так, как я сейчас выхожу замуж

за Банка, вот на таких неодинаковых условиях, на односторонней любви, я была бы самой счастливой женщиной». Клара понимала ее, она бы и сама в свое время не смогла выйти замуж за человека, который ей неприятен, но вот выйти замуж за человека, которого любишь, нисколько не беспокоясь, что он тебя не любит, она бы, пожалуй, смогла. Так почему ей жалеть Банка? Бедная Катя... У Клары на языке вертелись десятки вопросов, связанных и как с предстоящей свадьбой, так и с Наташей вообще. Так сложилось, что Наталия, как самостоятельный, независимый ни от кого, цветок, вырос в их семье им же на удивление, ей – на вечное непонимание домашних. Талант превратил тихую и послушную девочку в сильное, упрямое существо, эгоизм которого воспринимался, как нечто естественное, неотъемлемое от ее сути. И все бы так и шло, Наташа бы работала день и ночь над своими акварелями и холстами, если бы не Снегирев. Он закончил училище на год раньше Наты; будущий декоратор, он долго и упорно обивал пороги театров, предлагая им свои безусловно талантливые руки, но вскоре понял, что здесь в его родном городе, в нем никто особо не нуждается; и тогда он исчез, оставив родителям записку, чтобы не искали. Судя по его звонкам домой, с ним было все относительно в порядке, но это лишь означало, что он жив-здоров, где-то живет, наверное работает, и все.

– Ната, что Снегирев? Он звонил... он тогда, давно звал тебя с собой?

Впервые за долгое время спросила Клара дочь, не видя другого выхода добратся до истинных причин, этого внезапного и скандального замужества. Наталия даже головы не повернула, поднесла розу, понюхала, пожалала плечами.

– Звал, конечно, но я почему-то не поехала. – Ему не достаточно было моей любви, хотела сказать Наталия, и от нахлынувших воспоминаний у нее перехватило дыхание. Ему было мало Наталии, этого чуда из серых глаз, дымчатых волос, красных, воспаленных от поцелуев губ и нежного тела, усыпанного трогательными родинками. Ему была нужна пустая сцена, тот белый лист, где он смог бы выразить свое эгоистичное «я». Он не мог заниматься самовыражением на подручном материале, как это делала еще более эгоистичная Наталия. Двери собственного дома, зеркала, фарфоровые плафоны, книги, абажуры, стены, и еще Бог знает сколько чистых, пусть даже и микроскопических пространств, которые можно было заполнить свежей музыкой чистых красок, не шли ни в какое сравнение с театральными подмостками.

Наталия вспоминала, как прошлым летом, на даче Снегиревых, когда их, наконец, оставили одних, она развела акварель, все краски, какие только нашлись в этом крохотном раскаленном на солнце доме, и превратила длинноногое голое существо мужского пола, именуемое Сережей, в птичий базар, где на сильных, покрытых гусиной кожей бедрах порхали стаи лимонных канареек, сиренево-голубых попугаев, вульгарных райских птиц; на волосатой груди крепко спала, погрузившись в свои вкусные, мышинового цвета сны, сова, на плечах клевали крупные жирные зерна воробьи и голуби; в паху, играющем на солнце рыжим пухом волос, застыл высокомерный профиль раздутого индюка, которого Наталия дергала за розовые мягкости подбородка, хохоча над неожиданно и буйно воспрянутым зобом... «Индя, индя!..» – звала она приподнимающийся индюшиный зоб, который разбухал прямо на глазах и превращался вдруг в невиданных размеров фаллос, игрушку, так любимую ею... Под вечер, когда они, изнемогающие от жары и жажды, обессиленные от любви спускались вниз, на веранду, Наталия останавливалась перед зеркалом и с улыбкой разглядывала на своем теле цветные перья отпечатавшегося на коже птичника, потом бежала обнаженная через весь сад, в душ, где Снегирев смывал мочалкой следы ее любовных фантазий, приводил таким образом свою уставшую подружку в чувство, возвращая в реальность, в сад, в мир.

Так вот по поводу вопроса, звал ли Наталию Снегирев: она «почему-то» не поехала. Это был поединок двух голов двуглавого дракона, имя которому ЛЮБОВЬ в чистом, нетронutom виде. Головы кусали друг друга, обжигали пламенем, но никак не могли расстаться. И вот однажды дракон проснулся и обнаружил, что одной головы нет, а на том месте, где еще вчера была вторая голова, зияет огромная рваная дыра с сочащейся из нее черной кровью... Дра-

кон сам как-то поуменьшился в размерах, свернулся клубочком и заснул, погрузившись в свои вечные и прекрасные сны: Ната заканчивала подготовку к диплому в летаргическом состоянии. В таком же состоянии она и собиралась выходить замуж. Тот незабываемый телефонный звонок, немного протрезвивший и ожививший ее, дал толчок к действиям. И однажды вечером, когда по телевизору показывали репортаж из одного сибирского городка, где собирались поставить Кокто, мелькнули эскизы декораций к спектаклю, Наталия поняла, что Снегирев действительно не только жив и здоров, но у тому же еще и работает. Ей было не дотянуться до чашечки весов, на которые взобрался и теперь хихикал над нею сверху великий Жан Кокто, она сделала проще: достала записную книжку и записала название города. И единственным человеком, которому она доверила эту тайну, стала Веруся.

Клара не раз пасовала перед своими дочерьми, когда речь шла о той сфере жизни, в которую она, как мать, да и как женщина, никак не могла проникнуть, а значит и понять – они жили в разных измерениях, поэтому единственное, что она могла сделать, чтобы выполнить свой материнский долг перед Натой накануне такого значительного события в ее жизни, как брак, так это просветить ее в области интимной жизни мужчины и женщины, преподнести вот такой вот скучный и обязательный урок на тему секса и супружеских отношений. Ната же, в свою очередь видя, как мучается мать, пытаясь втолковать своей заневестившей дочери, значение полового акта, обрезала последнюю розу, поставила ее в вазу и сказала, устремив свой взгляд в пространство:

– Ничем таким, дорогая мамуля, я заниматься с Аликом не намерена. Мы решили, что высший пилотаж в супружестве – это платоническая любовь».

Клара, от удивления уронив иголку, которой штопала очередной носок Глеба, залилась краской.

– Посмотри вот на эти цветы, – не унималась Ната, вращая тяжелую хрустальную вазу с двадцатью девятью розами и чувствуя как ее распирает желание запустить этим букетом в раскрытое окно, – посмотри, разве он не прекрасен, разве он не в силах заменить двадцать девять половых актов?!

БОЛЕЗНЬ. Ночью у Веруси начался жар. Она горела, металась по постели, звала какую-то Соню, потом маму. Облепленная мокрыми полотенцами, которые то и дело меняли Клара и Катя с Наташей, Веруся вдруг потеряла сознание и начала биться в судорогах, хрипя и задыхаясь. «Скорая», вызванная сорок минут назад, не приезжала, Глеб кружил под окнами во дворе, встречая долгожданный белый, со зловещим крестом, «рафик».

Я не выдержал и вышел к нему. Он был так бледен, что это не могла скрыть даже ночная темень. Мы курили с ним до тех пор, пока не раздался шум подъезжающей машины и нас не ослепили фары ворвавшейся во двор «скорой». Глеб так посмотрел на меня, что я не мог не пойти за ними. В квартире стоял плач, Клара, промокая выступившую на губах Веруси кровавую пену, вдруг скользнула на пол и упала без чувств. Глеб вызвал еще одну «скорую». Я стоял на пороге Верусиной комнаты, обезумевший от страха за содеянное: все происходило так, как и должно было происходить на страницах моей злочастной рукописи. Я ущипнул себя, сновидение не исчезало: молодой врач всаживал иглу в руку притихшей умирающей девочки. На подушке, под спутанными волосами образовалось темное пятно пота: наступил кризис. Когда приехала еще одна скорая, Клару положили в гостиной на диван, сделали тоже несколько уколов. Катя хлюпала в изголовье Верусиной кровати, Глеб метался по квартире, Наталия давилась слезами на кухне, где готовила успокоительный отвар для всех нас... «Она вся в сыпи, а между пальцами у нее шелушится кожа... Я ничего не понимаю в болезнях...»

Глеб волновался, глядя как молодой врач, сдернув одеяло с Веруси, поставил ее, бесчувственную и голенькую на ковер и растирая ее тело спиртом, ударил ее несколько раз по щекам, пока она не открыла глаза и не сказала хрипло: «Блядь, я тебе сейчас так вмажу...» Молодой врач просиял и тоже без сил присел на кровать. «А теперь спать и спать, обильное питье...» Я ожидал диагноза, но услышав его, удивился: «Корь и скарлатина одновременно. Исключительный случай... Завтра соберем консилиум». МОЯ же Веруся заболела воспалением легких. Я чувствовал себя беспомощным идиотом. Когда Клара пришла в себя, а две «скорые» уехали, мы все собрались на кухне, где Наталия налила нам по чашке горячего успокоительного отвара и отрезала по куску бисквита. Да, теперь уже настало время, когда и в отношении меня к этой семье, можно было сказать «мы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.